

London group of multilingual writers

and

Sandermoen Publishing

present

A LITERARY COMPETITION “PAIN”

Лондонская группа писателей-мультилингвов

совместно с

Sandermoen Publishing

представляют

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС НА ТЕМУ «БОЛЬ»

ФЕВРАЛЬ 2023

*Тексты публикуются в авторских редакциях и в порядке их поступления на конкурс.

Поздравляем всех участников с написанием замечательных и важных текстов: продолжайте творить! Поздравляем авторов, отобранных в шорт-лист:

1. Alena Pironko. Ворон
2. Armen Chgnavoryan. Театр теней
3. Tatiana Tatarchevskiy. Big Time Sensuality
4. Е. Есина. Счастье. Боль. Счастье

5. Irina Bayly. Анята
6. Ніна Верешко. Стихи
7. Elena Yakubsfeld. Отрывок из рассказа "Жак"
8. Valeriia Konieva. Метаморфоза
9. Natalya Sklyarova. Четыре года назад я перестала любить весну
10. Dmitry Del. The slight headache

Участники:

1. Alena Pironko . [Ворон](#). 3
2. [Armen Chgnavoryan. ТЕАТР ТЕНЕЙ..](#) 5
3. [Ekaterina Kosan. Душевная боль](#). 8
4. [Nastasya Lok. Боль](#). 10
5. [Рубен Пашиян. ПЛАЧУЩИЙ КЛОУН](#). 11
6. [Tatiana Tatarchevskiy. Big Time Sensuality](#). 13
7. [Бенцион Парзен. Отрывок из главы 4 романа "Не в Тему"](#). 16
8. [Зоя Арефьева. Я люблю, когда дождь.....](#) 19
9. [Оксана Леврель. Рассказ «Добраться до своей остановки» \(отрывок\)](#) 20
10. [Татьяна Яковлева. Боль](#). 21
11. [Е. Есина. Счастье. Боль. Счастье](#). 23
12. [Любовь Ч. Урок несправедливости](#). 24
13. [Irina Bayly. АНЮТА](#). 26

14. [Виктор Шкель \(Viktor Shkel\). Новелла. 27](#)
15. [Aelita Galevska. Листья. 31](#)
16. [Нина Верешко. Стихи. 32](#)
17. [Василий Розен. Отрывок из рассказа "Ничего" \(окончание\) 34](#)
18. [Mariia Tierokhina. Удивительное путешествие под названием жизнь. 37](#)
19. [Elena Yakubsfeld. Отрывок из рассказа "Жак". 39](#)
20. [Anna Molodtsova \(Анна Молман\). Отрывок романа "Дьявол с луковым духом". 41](#)
21. [Валентина Коркоран. Отрывок из повести "Терновая беседка". 44](#)
22. [Жанар Кусаинова. Увидеть, как улетает душа. 47](#)
23. [Valeriia Konieva. Метаморфоза. 48](#)
24. [Natalya Sklyarova. Четыре года назад я перестала любить весну. 50](#)
25. [Ольга Крылатова. И не то, чтобы мы родились не там.. 53](#)
26. [Dmitry Del. The slight headache. 54](#)

Alena Pironko. Ворон

Теплый московский длинный летний вечер тянулся вереницей гуляющих парочек, семейных с детьми, и собачников, собирающихся в

мини-сообщества, от Яузы вверх, вдоль Бульварного кольца. По обеим сторонам уютного Покровского бульвара то и дело проплывали, позвякивая, трамваи.

Моя дочь осваивала новый, навороченный тремя скоростями, «дамский» велосипед – на первой передаче в гору, в конец бульвара – затем обратно вниз, разгоняясь и притормаживая, до начала Яузского бульвара.

Я присела на удобную бульварную скамейку – раньше такие только и делали, хотя никто не знал тогда слова «эргономика» - изогнутая буква S, повернутая почти горизонтально. Скамейка принимала твоё тело как родное, подставляя свои выпуклости и проваливаясь в тех местах, где это было нужно. Собственно, в этом и состоит смысл дизайна – сделать удобно, не так ли? Этому же служил и новый дочкин «дамский» велик – удобно было забираться на него без привычной высокой рамы-планки, не забрасывая ногу через седло.

На другом конце скамейки сидел, обводя взглядом мирную городскую картинку, пожилой человек с тростью. Это были доисторические, не-людоедские времена, когда жизнь казалась трудной, но не безнадежно потерянной для тебя самого, твоего ребенка и твоей страны.

Внезапно сверху раздалось громкое карканье, после чего на спинку скамейки опустился ворон. Он повернул голову в сторону человека с тростью и еще что-то долго говорил на своем грубоватом вороньем языке. Мне стало не по себе, я поднялась и немного отошла в сторону.

- Да вы не беспокойтесь, он вас не тронет. Это он ко мне прилетел.
- Это ваш знакомый ворон? – спросила я, робко присаживаясь обратно на край скамьи.
- Это длинная история, могу вам рассказать, если интересно.
- Конечно интересно! – «Чего стоит наша жизнь без интересных историй», - успела подумать я.
- Видите ли, у меня была собака, небольшой терьер, а живу я здесь, вот в этом доме – указал он на дом за спиной. Как-то раз мы вышли с ним погулять, а тут эта птица потрошила какую-то гниль. Мой дурачок подбежал к ворону, выхватил добычу, и стал играть – знаете, как собаки обычно это делают. Для него это была игра, а для птицы – испорченный ужин и форменный бандитизм. Ворон – я, кстати, так до сих пор и не знаю точно, ворон это или ворона – пытался отобрать свою пищу у пса, чем раззадоривал его еще больше и провоцировал поиграть, теребя добычу зубами, лапами, пока этот рваный кусок непонятно чего не разлетелся на мелкие кусочки. Наконец, игра была закончена, а вороний ужин окончательно испоганен.

На следующий вечер, когда мы вышли с псом на бульвар, ворон атаковал моего питомца, яростно налетев на него на большой скорости, стартовав с ветки старого высокого бульварного клёна. Атака была стремительной, жестокой, беспощадной. Ворон порвал псу ухо, вырвал клочок шерсти – всё буквально за пару секунд, пока я смог сообразить и закрыть пса своим телом. Меня он не тронул.

С тех пор мой пёс уже не мог гулять со мной на любимом бульваре, как прежде. Ворон ждал нас каждый день, продолжая нападать на моего четвероногого друга, своего врага. Всякий раз я надеялся на то, что память у птиц короткая – ну в самом деле, не может же птица,

даже такая умная, как ворон, сделать месть целью своей жизни! Однако я ошибался – мы подвергались атаке ежедневно на протяжении нескольких недель. В конце концов, теперь мне приходилось, выходя из дома, брать пса на руки, укрывать его пледом и нести через подворотни в сквер, в противоположную от бульвара сторону.

Прошло несколько месяцев, и я решил вернуть наши прогулки по бульвару, будучи совершенно уверенным в том, что нам уже ничего и никто не угрожает. И что же, как вы думаете, произошло? Ворон был там! И это было самое жестокое нападение – мой пёс остался без глаза.. всего один удар .. и дикий вопль разорвал моё сердце. Я схватил свою окровавленную собаку, выбежал на бульвар, поймал машину и поехал в ближайшую ветеринарную клинику.

Его жизнь спасли тогда в клинике, но у пса была сломала воля к жизни. Мой веселый добрый терьер впал в депрессию, перестал есть, отказался выходить на улицу, и вскоре скончался.

- Давно? – ошеломлённо, шёпотом, спросила я.

- В прошлом году. С тех пор я выхожу гулять на бульвар один, а этот убийца неизменно ждёт меня, садится на спинку скамьи и спрашивает, почему я пришёл один.

Человек достал из кармана свёрток, вынул из него кусок колбасы и протянул его птице. Ворон нагнул голову, пристально посмотрел на человека, аккуратно взял угощение своим большим сильным клювом, опустил на землю и принялся ужинать.

Москва-Бостон 2020

Armen Chgnavoryan. ТЕАТР ТЕНЕЙ

Что наша жизнь? Игра-а-а! Согласен, игра, но я бы добавил одно важное дополнение: наша жизнь - это игра теней.

Часто нас посещают какие-то мысли относительно того, каким образом мы воспринимаем злополучное Бытие, понятие затащенное философами высшего пилотажа, но так и оставшееся в качестве тени на стене пещеры Платона.

Вот наскальные рисунки древних людей. Что это? Письмо? Тогда кому? Художество? Для кого? След? Чего? Своего пребывания в жизни? Письмо иным? Художество для других? И то, и то, и то, и ещё много чего, о чём мы не можем знать. Что осталось от древнейших цивилизаций? Скульптуры, храмы, пирамиды, письмена, глиняные черепки, наконечники стрел и копий, одним словом следы существования.

Однажды утром я обнаружил на хлебе след, оставленный женой, откусившей кусочек. Какое-то странное чувство охватило меня, не имеющее ничего общего с тем комплексом чувств, которые я обычно испытываю к ней. Непонятное, свежее, трогательное.

Что есть культурное наследие человечества? - конечно же, следы наших предков.

Когда моему отцу стало за семьдесят, он начал писать историю нашего рода, начиная со своего прадеда. Потрясающая память позволила в четырёх больших тетрадях написать историю обычного армянина, родившегося в Западной Армении в начале XX века, пережившего Геноцид, сиротство, репатриацию, сталинизм, подвалы НКВД, ВОВ и прожившего относительно счастливую жизнь работающего человека, советского труженика, дожившего до 86 лет и умершего на руках своих детей, буквально.

Одиннадцать лет после его смерти я, его сын, пытался начать читать записи отца. Не получалось – на первой же странице, где он с бесконечной любовью описывает родной город на берегу моря, родительский дом, семью и запавшие в душу десятилетнего ребёнка воспоминания, слёзы застилали мне глаза, тетрадь закрывалась и ставилась на полку. Одиннадцать раз эта сценка проигрывалась в мельчайших подробностях, и наконец, с двенадцатой попытки мне удалось прочесть. И тогда, на расстоянии двенадцати лет, слова, написанные отцом, опять-таки подняли в моей душе волну чувств, ранее не изведанных. И, что интересно, не было этих чувств в те моменты, когда отец, будучи ещё живым, многократно рассказывал обо всём, что осталось в его прошлом и было ему дорого. Я, как и все, конечно, внимательно слушал, но как-то вполуха. А когда отец умер, – всё изменилось.

Что это за явление? Освящение смертью?, безвозвратностью?, переходом в мир иных категорий? Уверен, что подобное случается у не только у меня, но мы, не разобравшись в собственных ощущениях, всегда проходим мимо этого эмоционального завихрения и прячемся среди привычных “теней”.

Я стал отслеживать в себе ощущения, ранее остававшиеся незамеченными в силу своей чрезвычайной эфирности. И с удивлением обнаружил целый пласт тонкой материи, обладавшей очень неустойчивым, но безмерно привлекательным ароматом.

Например.

На письменном столе человека в пепельнице дымится сигарета, рядом – чашка с недопитым кофе. Там же лист бумаги с недописанным предложением. Ничего необычного, тысячекратно повторяемая ситуация в обыденной жизни множества людей. А вот представьте, что этот самый человек, который курил, пил кофе и раздумывал над окончанием предложения, внезапно умер... В следующее же мгновение погасшая сигарета, недопитая чашка кофе и последние слова, написанные усопшим до того самого момента, а также множество других обычных свидетельств его земного существования приобретают какой-то особую окраску - для его окружения. Родные и близкие пытаются вспомнить какие-то знаки в преддверии внезапно настигшей смерти, придают им мистическое значение и интерпретируют в широком диапазоне фантазийных предположений. Смерть, главный жупел осознанного бытия человека, - мастерица сакрализации самых обычных вещей.

Другой пример.

В Батуми, откуда родом моя мама, в детстве меня привозили из Еревана на все летние каникулы. Там жила многочисленная родня моей матери, и каждый год она окутывала меня такой истинно “батумской” теплотой и любовью, что я и сейчас, по прошествии многих десятилетий, чувствую в душе “следы” тех дней. Я жил в доме бабушки, большом, полутораэтажном, с полукруглой каменной лестницей, восходящей к огромной веранде, откуда расходились комнаты домочадцев. Был перед домом садик, где мирно уживались ёлочка-северянка, субтропические пальмы и мушмула. Был также тёмный сырой подвал под лестницей, куда мне было запрещено спускаться, не знаю почему. Естественно, как и любой ребёнок, я часто с опаской спускался по ступенькам, ведущим в подвал. Каждая

ступенька требовала у меня усилия воли, я испытал тот самый непреодолимый страх-желание, о котором написано множество умных книг по психологии. Запах прохладной сырости и тлена, холодновато восходящий из глубин подвала, до сих пор хранится в моей голове - в отделе детских воспоминаний. Что я там искал? Наверное, именно этот страх перед неведомым, основу существования человека.

А наверху, в одной из комнат было очень своеобразное окно – из него была видна аккуратная кладка стены, выложенной впритык к задней стенке нашего дома. И, чтобы эта кладка смотрелась из комнаты не очень мрачно, створ окна мой дядя покрасил белой краской...

Прошло более полувека. Все мои любимые батумцы старшего поколения уже давно в мире ином. И дом бабушки снесён давно.

Недавно я побывал в Батуми с другом. И нашёл то место, где прошли счастливые годы моей жизни. В неузнаваемо перестроенном районе я бы никогда не определил местонахождение бабушкиного дома, если бы...

Если бы не пятно на стене чудом сохранившегося соседского дома.

И вот стоит престарелый мужчина, в здравом уме и твёрдой памяти, смотрит на выцветший квадрат на стене ничем не примечательного дома и безуспешно пытается утаить от друга слёзы, текущие по щекам. Он сквозь этот квадрат видит цветной панорамный фильм своего детства, видимый ему и не видимый никому другому. Оттуда, из белёсого пятна на стене, к нему являются лица любящих его родных людей, они улыбаются, что-то беззвучно говорят ему. Это слова любви и заботы, которыми они обволакивали его каждый год, по приезду в Батуми. Для друга, даже очень близкого и понимающего, этот квадрат - всего лишь кусок покрашенной стены.

Мне кажется, есть какое-то место в голове человека, где иногда, по непонятным причинам, сознание и бессознательное издали замечают друг друга. И тогда происходят те самые удивительные явления, о которых я рассказывал выше.

В мгновения этой мистической встречи-миража, сознание смотрит на неизвестного ему двойника настороженно, с опаской, недоверием, как ребёнок - на мумию фараона. А взгляд бессознательного на юнца умника-разумника не выражает никаких чувств, но из его глаз истекает молчаливая мудрость, знание незнаемого, опыт тысячекратных рождений и смертей, борьбы и поражений, животной радости и уроков первобытного страха.

Смотрят половинки души человека друг на дружку... и расходятся, по своим уголкам. До будущей встречи.

Ekaterina Kosan. Душевная боль

Я испытала душевную боль в период развода. Помню, как трясущимися руками писала эти страшные строки в старой Московской электричке.

«...никому не пожелаю пережить боль души. Она парализует здоровое тело, скручивает все органы внутри. Она притупляет сознание и не дает видеть ясно. Она уничтожает любовь, оставляя внутри бездонную пустоту и кажется, что эту дыру ты никогда не залатаешь. Не закроешь никем и ничем в этой жизни. И да, ты можешь идти на работу или встречаться с друзьями и даже пытаться шутить, улыбаться, но, как

только остаешься наедине с собой — боль накрывает с новой силой огромной волной. И вот, ты уже на дне, барахтаешься там, как рыба на суше. Пытаешься вдохнуть, а как только ты делаешь вдох — приходит адский пёс с тремя головами и грызёт тебя медленно и безжалостно. А потом сплевывает. И теперь это ты — этот плевок. Кажется теперь я понимаю людей, которые не могут или не хотят справляться с этой болью и уходят...режут вены, прыгают с крыши, бросаются под поезд...а что я? Я думаю мне повезло, что я пишу. Значит просто запишу это...не более...».

Прошло уже почти 3 года. Тяжелые дни сменились на счастливые. Я смогла снова поверить в любовь и выйти замуж. Стала больше заботиться о себе. Много путешествовала, а затем и вовсе переехала в другую страну. Но, я до сих пор помню эти ощущения в груди и чувство удушья. Моя боль наверное навсегда поселилась во мне и порой напоминает о себе, словно говорит мне: «Ты помнишь какого это? Давай еще порыдай, как он смел поступать так с тобой? Ты помнишь, как он оставил тебя ни с чем? Одну». И до декабря 2022 я рыдала. Тихо в подушку и громко на кухне. А затем, я поняла, что так не пойдет.

Сидя за столом в новогоднюю ночь, я четко решила, что больше так не хочу. Устала от прошлого. Не хочу тащить его в новый 2023 год. Просила Бога помочь забыть эту боль. Желание загадала. Уплетая салат, стала анализировать, задавать себе вопросы: От чего я рыдаю? Ведь теперь-то, все хорошо. Рядом любящий муж, интересная работа, да что там, новая страна, новая я — я изменила все! Почему до сих пор душа болит?! Помню, как съела 2 кг оливье и даже не заметила, но зато ответила на все свои вопросы и как будто легче стало. Та ночь оказалась терапевтической для меня. Честно скажу: «Больше я не вспоминала свою боль». И мне было так хорошо все эти

дни. Появилось много энергии. Захотелось снова творить. Казалось, вот она — новая жизнь без боли.

И вот как-то утром, пролистывая социальные сети, я натыкаюсь на этот конкурс. Где нужно описать свою боль. Первая мысль: «Вселенная любит проверки». Знаете, я уже много раз в своей жизни замечала, что если я не прохожу какой-то ее урок, она мне подкидывает еще один такой же, а затем еще и еще и так пока не пройду. Я подумала — это знак и мне сюда точно надо.

Не прошло и дня, а я уже строчу этот текст. Нашла свой старый отрывок из той самой электрички. Окунулась снова туда — в эту несчастную боль. И знаете — уже все по-другому. Я больше не реву. Сердце не щемит. Мне легче. Думаю, я ее проработала, прожила и пережила. Я не знаю, помог Бог и исполнил мое желание или мой анализ и честный разговор с собой, а может все вместе. Но я знаю точно, что боль живет, пока вы ее подпитываете своими эмоциями, своими страданиями, своей жалостью к себе. Будьте сильными и откажитесь от этого. Сбросьте обиды со своих плеч. Выбирайте счастье!

Nastasya Lok. Боль

Просыпаюсь, живу и плачу
от бессилия, от беды,
от того, что сама из тех,
кто плевал в источник воды,

кто зажмурился, закупорился,
чтоб поддерживать равновесие,
чтоб не ссориться и бессонница
не мешала бороться с бесами.

Просыпаюсь и вы не спите,
хоть от страха, хоть с паранойей
Пересохшими ртами не плюнуть
В глубину всея водопоя.

Пусть в слезах прополощет душу,
смочет с очков всё розовое,
пусть услышу, почувствую прозу,
пусть слова прорвутся наружу.

Просыпайтесь, живите, плачьте
От бессилия, от беды
Наполните чистым сердцем
Источник живой воды

Анастасия Локшина, Март 2022

Рубен Пашина. ПЛАЧУЩИЙ КЛОУН

– Здравствуйте, вы кто?

– Клоун.

– Спасибо, до свидания.

– Нет, вы меня не так поняли: я – плачущий клоун.

– Софиты сюда! Да, да, на меня... что вы сказали?

– Я...

– Ну что ты делаешь – я говорю, на меня... так, спасибо, до свидания... а-а, нет, стойте! Сема, давай на него! На всего! Чего? Ну, я не знаю, как они называются... ну, в общем, чтоб он весь... э-э-э, стойте. Так – хорош! Простите, что вы сказали?

– Я говорю, вы меня не так поняли. Я – плачущий клоун!

– То есть? А! Вы работаете дуэтом, вместе со смешным? Нет, вы знаете, у меня только одно место.

– Я один работаю. Я один... Я – всегда один!.. Вот так, бывало, выйдешь на арену и чувствуешь: Боже, как же я одинок! А вокруг столько глаз... Кто сочувствует, кто молчит, кто чего-то ждет! А чего от меня ждать? Что можно вообще ожидать от одинокого человека?! Я вас спрашиваю – что?! Разве я виноват, что мне не повезло? Разве кто-то виноват, что кому-то не повезло?! Вот вам повезло? Молчите! По глазам вижу, что нет! Ежедневная нервотрепка, постоянные неурядицы, Сема идиот... Он ведь идиот?! Сема, ты слышишь? Ты – идиот, тебе не повезло! Сема, слезай к нам! Что ты там торчишь?!

А эти надоедливые, нудные репетиции?.. А эти постоянные недовольства?.. А эти нескончаемые очереди и тот же идиотский вопрос: «Нет ли лишнего билетика? Нет ли лишнего билетика? Нет ли лишнего билетика?»... Ну разве это жизнь?! Чего вы молчите?.. Вам нечего сказать! Потому что вам не повезло! И вы это знаете!

Но вы, как гладиатор – да что там, как титан, – бросаетесь в эту заглатывающую пучину бытовых, но, черт побери, приятных, ну, признайтесь – приятных обязанностей! Вы, как исполин, держите на своих хрупких помрежевских плечах всю эту махину, и она работает! Кто вы такой? Да вы герой! И Сема – герой! Ведь он герой? Сема, ты герой! Ты молодец! Я люблю, да что там я – мы все тебя любим! Не спускайся сюда – не отвлекайся.

Да вы все тут – молодцы! Все – от тигра до униформиста! Вы все!!!

Но ведь согласитесь: в то же время каждый из вас и несчастен по-своему?.. Наступает вечер, и вы все – каждый поодиночке – приходите домой. Уставшие, полуголодные, издерганные... Дома вас не понимают, дома – ссоры, денег нет, долги есть, есть нечего, нечего надеть, и все это сразу – хоп! и на ваши плечи!.. И вы кричите: «Боже, как же я одинок! Что мне делать? Что?!?»...

Что с вами? Что с вами? Сема, ты как? Да вы что? Успокойтесь! Я же пошутил! Я же клоун... Просто я – плачущий клоун... Но я же – клоун! Это была шутка – аллегория! Вам что, не понравилось?

– Шутка, говоришь? Да знаешь, кто ты? Какой ты клоун... Ты... ты...

– Вы знаете, у меня просто концовка еще не проработана. Вы понимаете, просто вот никак руки, что ли, не доходят... Но вы ведь мне поможете, правда, вы ведь поможете мне?

Ты поможешь мне, помреж?! Ну, скажи, скажи, что поможешь! Сема!.. Друг!.. Я тебя не вижу!.. Но ведь ты тоже поможешь?! Вы ведь все мне поможете?! Люди!!! Ну разве я виноват, что у меня нету концовки?! Разве кто-то виноват, что у кого-то нету концовки?! А-а-а!!! Что вы

делаете?! Куда вы меня несете? Люди!!! Что вы делаете? Вы же – молодцы!!! Вы же все герои!!! Все!!! Я это знаю!!! Я могу это доказать!!! Всем – от тигра до униформиста!!! Что вы делаете?! Ай!!! Нет, только не это – прошу вас!!! Давайте начнем с униформиста!!! Ну разве тигр виноват, что мне не повезло?! Разве он виноват, что у меня нет концовки?! Ай!!! Сема!!! Друг!!! Не направляй сюда свет – не зли хищника!!! Разве он.....!!!

Tatiana Tatarchevskiy. Big Time Sensuality

It's 2:30 AM, and you are standing here, in the middle of Times Square, all by yourself. Your

face is lit by its extraterrestrial light, your eardrums are pierced by the honking of taxis and

shouts of bicycle rickshaws. Look at yourself! Just look at yourself! You are a 37-year-old

woman. But you are drunk as a baby.

You find the bump of a key in your pocket and wonder how to get to your car. You don't want

the keys – you need a cigarette, but all you have is an crumpled pack. You plug the earbuds in

and turn on some nineties' music. Suddenly, you feel uplifted. Bjork still makes you feel like you

are flying. You tell yourself, "Be grown up. Be grown up." That's all you can say at this moment

to your red leggings, black shoes, and yellow hat. "Hi!" waves the oversized fuzzy Elmo. "Hi,"

you wave back fighting a hiccup. Maybe you should have that picture taken after all.

You know you missed your street, but you keep on walking. Shoving your way through. Busting

random people's selfies with your thumbs up. Tourists' elbows punch you in the ribcage. You

hiss in response, "Keep dreaming. This city will sell you anything!"

But then, for a second, this strobing light makes you feel like you are not cold. Like maybe you

are loved. Like you weren't kicked out. "Who? Me? I am just going home. To my small

apartment. That I decorated the way I want. With strings of Christmas lights and my watercolors

that my ex-husband despised so much. That this other guy didn't care much for either."

"Oh this is where you live," was all he said turning away from your best one so far – a still life of

three pomegranates, delicate and lush - when you first brought him to your place. You could

2

have told him a story about every tiny trinket on the shelf, the hand-me-downs from your

previous life. But you didn't want to bother him with details. And then, did you even have the

previous life? Or was it all just dreams?

You and your ex had left Russia right after your wedding. The passports were ready with the

freshly attached U.S. visa stamps, his U.S. IT company having big expectations for him. Nobody

really waited for you here. But you thought you'd manage. Three years later, as you laid in bed

in your rental apartment in a New Jersey suburb, you felt that have you spent another moment

here, the low ceiling would close on you, as a page of a hardcover closes on a bug. So you

packed your things and left.

And this is what you got off the screen now. This guy. Your first post-divorce date. (Later we

would tell you, “Honey, if there was ever a dream to chase, why was it this one? Of a clean-

shaved crop-topped well-suited man? Of a man who looks the other way?”
But it would be much

much later.)

OK - but still it didn't have to end this way. And then of course it did. This evening you had met

at a bar. His friends were there. You started off with a Prosecco, but swiftly moved on to

whiskey. You needed all that liquor because suddenly, next to him – so newly strange again,

with his cool Wall Street friends - you began to feel like you were not somebody who planned

owning Manhattan's arts scene but like who you were – and all of us are, indeed - a paper-

shuffling paralegal in a tiny fluke of a law firm in Brooklyn owned by shady immigrants from

the former Soviet bloc.

And then he told you he was going. With his friends. To a cello concert on somebody's rooftop.

Of course. Isn't this how you found him after all: typing in "Music" where the website asked,

3

"Your interests". So now, at that brown-leather and granite bar full of happy and successful

people, when he told you, "I'll see you around," you felt something drop. Or was it just an ice

cube dangling in your glass?

Well, maybe you shouldn't have stood there, clenching your fists, your voice rising to its highest

pitch. But then you did. But even worse was, of course (and you'd never mention it to any of us),

that when you left the bar, you had to follow him and his friends for a while - because it turned

out you had parked just a block away from their cello place. You wanted to make a turn, change

the side of the street but you couldn't - because of this stupid city that never sleeps, with its

constant construction sights, its overrated late Broadway shows and its ugly Times Square! So

you just trundled along, after him and his friends, watching the steam coming out of their mouths

and their civilized hand gestures - until they finally became part of the crowd.

Finally. You get an uber. Maria is your driver. Another compatriot. Might even be our

company's client. You yawn. So many of us coming here, to this strange city, probably all

chasing the same dream. Your cheek touches the hard plastic of the back seat. Maria's voice is

raspy and cheerful. She has an 8-year-old back home. Her sister is taking care of him and her

elderly parents. She sends them money via MoneyGram. "It is OK that I see him only once a

year," she says, her eyes meeting yours in the rear view. "When I save enough, he will come join

me. Here. In America." You want to ask her something. But then you don't. Your eyes follow

the skyscrapers cased in black glass, as they slowly roll by you, parting. You realize that you are

very tired. You should just probably sleep in Maria's Corolla, and have it take you around the

city. Yes. Triple the fair, Maria. Keep the change. Let me stay here. Cradled.

Бенцион Парзен. Отрывок из главы 4 романа "Не в Тему"

Небольшой отрывок из романа "Не в тему" требует некоторого пояснения, чтобы читателю было понятно, о чем речь.

Эмигрировавший в Израиль филолог Борис Орлов, работая, как и многие в его положении, уборщиком, пишет роман "Ясон, сын плотника", о судьбе юноши, жившего в 50–60 гг нашей эры в египетской Александрии, сыне эмигрантов из Иудеи Йосэфа и Мирьям. Иудейское имя юноши – Еошуа, Ясон же – его греческое имя. Получивший прекрасное образование в Александрийском Мусейоне и в то же время хорошо знающий иудейскую традицию, Ясон пишет сочинение, черновик которого остается в архиве библиотеки на долгие годы, после чего, найденный случайно, превращается в одну из самых известных книг в истории нашей цивилизации...

Борис Орлов показывает свой роман руководителю литературной студии Ефиму Московичу в надежде опубликовать его. Ефим объясняет автору, что текст, в котором традиции иудаизма и христианства описываются без должного пиетета, вряд ли может быть опубликован как в Израиле, так и в России.

Ефим помолчал, побарабанил пальцами по папке.

— А знаете — жаль. Пишете вы неплохо. Вот только — не в тему, ах, как не в тему, Борис! Ну хочется вам в жанре исторического романа себя попробовать — ну напишите про... ну я не знаю... Холокост, например — я уверен, и ваша семья тоже пострадала в свое время?

— Еще бы...

— Ну вот! Вам и карты в руки! В каком-то смысле — личный опыт, и тема — беспроегрешная, а тема порой и текст вытягивает...

— Ну хорошо, напишу я, допустим, про Холокост... И что потом? — спросил я.

— Ну как что... Напечатаем вас — отрывок в альманахе, может, даже в пятничном приложении к газете... издадите книжку — за свой счет, разумеется, для начала... сделаете себе хоть какое, но имя... Да вот, к примеру... — Ефим как-то тяжело встал и, покачиваясь, подошел к потрепанному книжному шкафу. Видно было, что мэтр слегка перебрал. Я тоже поднялся и подошел к нему.

— Вот тут у меня собралась за последние годы... хм... библиотека, скажем так... Многие участвовали в работе студии, другие — просто дарили экземпляры... В каком-то смысле — история русскоязычной литературы в Израиле!

Он открыл запыленные стеклянные дверцы, принялся перебирать корешки, нежно прикасаясь к ним, иногда вытягивая из плотного ряда тоненькую книжку в мягкой обложке. Вдруг он обернулся ко мне — в его глазах стояли слезы.

— Они все умерли, Боря... Все... Вот Арик — ах, какой это был журналист, какое едкое перо... а рассказы, какие рассказы он писал! А вот Миша — поэт, гений, не от мира сего человек... Раечка, тоже поэтесса — ее поэму тогда "Новый Мир" напечатал, а потом она умерла... Они все заболели — от жары, от тяжелой отупляющей работы, от курева, от водки... Одинокие, никому не нужные... Они тратили свои последние шекели, чтобы издать хоть какие-то книжки, и получались вот эти вот блокнотики дешевенькие... их же ни один магазин не берет на реализацию... А вот Лева — целый роман написал, называется — "Отпусти, Палестина", про свою армейскую службу в Ливане. Левы тоже уже нет... а роман его — вот он, здесь... Три книжки... Остальное неизвестно где: кому он дарил — выбрасывают сейчас при переездах... Зачем все это, Боря? Зачем они жили, зачем писали?

Он шмыгнул носом, поморгал, глядя вверх, чтобы высохли глаза.

— Скоро нас выгонят отсюда, — сказал он глухо, — Они уже приходили на той неделе, присматривались к помещению. Здесь будет

"Бейт Хабад"... Благообразные такие, с бородами, все Писание цитируют... Мне некуда взять эти книги, и они их выкинут. Арика, Мишу, Леву — всех, всех на помойку. У них свои книги — правильные, на правильном языке, на правильную тему... — вдруг он схватил меня за рукав, — Боря, послушайте меня, я знаю, что говорю — бегите отсюда, бегите из этого болота! Не тратьте время и деньги, идите на какие-нибудь курсы, учитесь, ищите работу, забудьте про этот свой чертов роман! Никому это не нужно, понимаете? Вообще никому!..

Ефим покачнулся, и я помог ему сесть на стул. Он явно стыдился своего откровения.

— Что-то я не в форме сегодня, — попытался он улыбнуться, — Не в форме и не в содержании... Плесните мне минеральной, пожалуйста, да и пойдем — поздно уже, закрывать пора...

Как ни удивительно, домой я возвращался как на крыльях. Ведь больше всего я боялся, что скажет мне Ефим: роман ваш — бездарная писанина, нечего тут критиковать, и вообще говорить не о чем. Но этого не произошло, наоборот! Пессимизма мэтра относительно судьбы своего текста я не разделял. При всем уважении, бормотал я сам себе, шагая по темным улицам, я вам не Арик и не Миша, я сам по себе! И издаваться за свой счет на оберточной бумаге я не стану. Знакомства в Москве кое-какие у меня остались, есть кому написать, с кем посоветоваться — все еще будет, хо-хо-хо!

Чувствовал я себя подобно юноше, находящемуся на пороге романтических отношений, верил я в себя и в то, что уже сделано, и в то, что непременно будет еще совершено... Вдруг зазвонил мой сотовый телефон, и я ответил, стоя прямо у своего подъезда.

— Добрый вечер, — собеседник говорил на иврите, — это Борис?

— Да.

— Вы ищете квартиру на съем, так? Для одиночки? У меня есть для вас хороший вариант...

— Простите, это какая-то ошибка... Я не ищу квартиры...

— Ну как же, — с легким раздражением сказал собеседник, — мне оставили сообщение с вашим именем и номером, поиск жилья на съем... Я из маклерской конторы "Ицик Нехасим", вы же у нас были, верно? Наверное, с моим компаньоном беседовали, он мне ваши данные и передал... Так вот, однокомнатная студия, нижний этаж виллы, отдельный вход, оплата включает воду и муниципальный налог, электричество отдельно...

— И все-таки я не ищу квартиру, извините. И к вам я не приходил...

— Ну, что ж... ладно, раз так. Передумаете — позвоните по этому номеру, — и окончательно разочарованный во мне Ицик повесил трубку.

Когда я вошел в квартиру, Юленька как раз вышла из ванной, закончив все подготовительные процедуры: на завтра у нее на работе снова намечался "день кайфа", очередной гастрономический культпоход, и готовилась она к нему серьезно, от косметических масок для волос и для лица, и до покрытых ярким лаком ногтей на пальчиках ног. Я вдруг подумал, что даже к нашей свадьбе она готовилась менее тщательно — впрочем, тогда у нее было меньше материальных возможностей. Юленька взглянула на меня как-то вопросительно, что ли, и тут же отвела глаза, и вдруг подозрение зародилось во мне.

— Скажи мне, — спросил я, — это ты мой телефон маклерам оставила?

— А что, уже звонили? — спросила она, как ни в чем не бывало, — Что-то подходящее?

— Юля, — выговорил я, — ты меня что, выгоняешь?

— Почему сразу "выгоняешь"? — вскинулась она, — Вечно ты драматизируешь... Я подумала — ты сам захочешь уйти... Решила вот помочь...

— Нет, я не хочу уходить. Это мой дом...

— Это не твой дом, — отрезала Юленька, — А съемная квартира. И довольно паршивая, кстати. Короче, Орлов, ты что, никаких шагов предпринимать не собираешься?

— Нет...

— Ну смотри, — она дернула плечиком, — Дело твое, — и ушла в спальню, и дверь закрыла. Да и без хлопанья дверью было ясно, что идти за ней не следует.

Я лежал на диване, чувствуя спиной все его вмятины и выступы. За окном, над острыми листьями финиковой пальмы, светился народившийся серп луны, хасиды в синагоге за углом шумно праздновали "главу месяца", а я вновь ощущал себя стоящим на пустынной остановке, под дождем, безо всякой надежды дожждаться автобуса. Азарт победителя пропал, сомнения и страхи снова принялись терзать меня. Потом я подумал, что, может быть, с рассветом что-то изменится, и закрыл глаза, чтобы спрятаться от окружавшей меня пустой ночи, и сам не заметил, как заснул.

Зоя Арефьева. Я люблю, когда дождь...

Я люблю, когда дождь, когда серое небо и сердце сжимается до размера горошины, выпадает из дырочки в боку. Я привычно ловлю и прячу в ладонь. Мне не больно, не больно, не больно, это чувство прекрасно. Все прошло, я большая уже, все мороженое в мире мое.

Если долго смотреть на дождь, между капель видно светлые лица тех, кто ушел. Я машу им рукой:

"У меня все в порядке. Я поела, я в шапке".

По лужам в такие минуты ко мне приходит Прошлое, оно похоже на дреного кота. Непонятного цвета, на трёх лапах. Я треплю его по загривку:

"Помню, привет".

Прошное больше не требует ни бинтов, ни йода, даже шрамов почти не видно под шерстью, на ощупь только и найдешь.

А тучи сегодня похожи на динозавров и птеродактилей. Страшно и весело, все как задумывал Боженька. Где мы берём столько храбрости, чтоб родиться сюда?

Я когда-нибудь прииду смотреть на этот мир между капель, на юные лица в окнах. Буду стучать по стеклу:

"Все проходит, заживают шрамы".

Я люблю, когда дождь, он пройдет, а я останусь здесь.

2019

**Оксана Леврель. Рассказ «Добраться до своей остановки»
(отрывок)**

Война вошла в наш дом рано утром. По радио «Франс Интер». На кухню, где мы с мужем и сыном просыпались за завтраком. Эруан оторвал взгляд от кофеварки и задержал мой, чтобы он не упал в пропасть. Наш семилетний Тёма цеплялся за воздух широко раскрытыми глазами. Я забыла, как дышать. Бомбили город моего детства. Счастливых каникул сына. Там жил его дедушка.

Я бросилась набирать знакомый номер. В ответ долго слушала телефонную пустоту и шипящую рядом кофеварку. Эруан делал громче новости.

- Куда ты поедешь, папа? – орала я, когда, наконец, дозвонилась. – В какой маршрутке? У вас война!

Семья поняла - дедушка собирался на работу.

- Сейчас о себе надо думать, а не о Политехе, - вразумляла я его. – Не пропадут студенты без тебя!

У меня катились тихие слёзы и дрожал голос, напоминая плохую связь.

Вечером, сидя на любимом стареньком диване, я трогала его шероховатую, протёртую кожу. Мы купили его десять лет тому назад, когда переехали в Экс-ан-Прованс. ... Воспоминания кружили в домашнем танце. Представив себя на месте того, кто, вырванный войной из своей квартиры или дома, бежал, спасая детей, бросая любимый диван, я завывала.

Татьяна Яковлева. Боль

Как только услышала о конкурсе текстов на тему «Боль» сразу отозвалось в сердце ; отозвалось в

душе и сразу полетели мысли одна за другой

И не знаю почему ,но первое ,что вспомнилось это уроки русского языка и литературы ,

сочинения на тему «Боль и какой-нибудь невзрачный или взрачный герой романа Л.Н.Толстого,

А.П.Чехова, Ф.М.Достоевского, Уильяма Шекспира в этих вечных болях», и толковый словарь

Сергея Ожегова тоже вспомнился , где все , как всегда понятно без лишней премудрости . Есть

боль (женского рода) физическая и душевная 1. Ощущение страдания 2.Приступ физического

страдания) ...

Но нет, мы капнем глубже ,чем просто определение «Боль».

Кто знает эту ноющую боль ,щемящую сердце?.... Ту самую - которая мешает дышать ? Вдох-

выдох ... но боль эта ни вздох , и ни выдох .Боль живет внутри тебя , ты пытаешься искать ответ у

прохожих , у знакомых в общем у тех , кто попадаете тебе на пути *Как мне жить?*; ну что

спрашивать это у счастливых ; счастливые точно не поймут, они не понимают несчастливых Они

в лучшем случае скажут : « Это дело в тебе,» - и дадут
рекомендацию, что ты- пациент психиатра

или психотерапевта, ну или по крайней мере какого-нибудь
коуча....Ок, поблагодаришь ты их ,

чтобы не обидеть Но на самом деле ,сердце не слышит их ;
невозможно по взмаху палочки

остановиться и не чувствовать боль чужую боль легко
лечить, а вот свою сложнее, порой это

совсем не лечится, поэтому стараемся чаще молчать о ней , ведь
в наше время

КИБЕРНЕТИКИ,ПРОГРЕССОВ ,ОТКРЫТИЙ ,ГЕОПОЛИТИКИ
,ГЛОБАЛИЗАЦИИ трудно быть простым

человеком с маленьким своим миром, да еще с какими-то
душевными болями ! . Сейчас ты

ПРОСТО ОБЯЗАН быть мегапозитивным , замотивированным ,
успешным , стройным ,

разносторонним во всем и везде, идущим в ногу с технологиями
,посещающим кучу тренингов и

прочей лобуды....

P.S.

ТЫ ВООБЩЕ О ЧЕМ ЗДЕСЬ ПИШЕШЬ ???????? Какая , к черту,
дешевная боль ? Ты сам даже порой

себе говоришь: « Ну что ,тряпка, соберись уже! Вон как люди
ставят и достигают цели, не место

душевным болямА что уж говорить о чужих людях, просто
знакомых , никто даже слушать про

ничью боль не хочет ; сразу все общение сходит на нет , ведь мы живем штампами

сегодняшнего дня ; где для какой то там своей боли места нет ... не то что чужой и я порой

живу клеше сегодняшнего мира ; и мой рассказ -это всего лишь просто QR код (такова реалья

уже сегодняшнего дня ,не то что будущего).

Е. Есина. Счастье. Боль. Счастье

Счастье. Первый по- настоящему весенний день. Голубое небо. Солнце. Дочь. Жизнь. На выписку 5 тюльпанов.

Спустя 3 года. Сын. Смерть. Боль. Тьма. На выписку 50 роз.

Спустя 3 года. Снова сын. Снова смерть. Снова боль. Беспросветная тьма. На выписку много роз, но на могилу больше.

Спустя почти год. Снова сын. Снова смерть. Снова боль. Мрак. Неважно сколько роз. Зачем я ещё жива?

Спустя 7 лет. Летний день. Голубое небо. Солнце. Дочь. Жизнь. Смех-колокольчик. Топот маленьких любимых ножек. Счастье!

Любовь Ч. Урок несправедливости

Я любила ходить в школу, любила своих одноклассников, наши веселые походы, интересные экскурсии! Все, что связано было с этим скромным деревянным зданием в 2 этажа, вызывало во мне какие-то нежные, трепетные чувства. Я на самом деле любила учиться, искренне считала своих учителей какими-то особенными людьми, которые, говоря высокими словами, ведут тебя, взяв крепко за руку, в прекрасный неизведанный мир. В общем, я была заморожена школой. И мне нравились уроки, все до одного... Но один урок в этой школьной жизни я не забуду никогда.

Мы, четвероклашки, с благоговением смотрели на свою учительницу. Капитолина Михайловна была для нас образцом чуть ли не красоты: стройная, всегда с красиво уложенными волосами, так вдохновенно декламирующая стихи, с чувством рассказывающая интересные истории. Она почти никогда не повышала на нас голос, всегда говорила спокойно и

уверенно. У нее даже не было любимчиков - ко всем относилась одинаково ровно. И это вселяло в нас какое-то чувство справедливости. В тот день урок начался необычно. Обведя взглядом класс, она таинственно сказала, что , оказывается, не очень хорошо нас знает: в школе мы ведем себя, как положено ученику, а вот за пределами ее становимся другими. Ребята насторожились.

- У нас в классе есть девочка,- продолжила Капитолина Михайловна, - которую мы все знаем как хорошего товарища, примерную ученицу и даже готовы равняться на нее во всех наших делах. Это...», - она сделала паузу и назвала мою фамилию. Я, вцепившись в крышку парты, не веря услышанному, медленно встала с места. Ребята с любопытством повернули головы в мою сторону. И наша учительница поведала всем такую историю : оказывается, (дома я совсем другая): веду себя невоспитанно, шумно, нарушая покой соседей, а когда мне делают замечания, даже не реагирую на них. И вот пришел конец их терпению- они вынуждены были сообщить об этом администрации школы. Я испуганными глазами смотрела на учительницу и лихорадочно вспоминала, когда же наши единственные в доме замечательные соседи так пострадали из-за меня? И только после того как Капитолина Михайловна добавила, что я веселилась еще и не одна , а с мальчишками, меня осенило! Я поняла , о чем идет речь. В тот последний день зимних каникул мама попросила посидеть с детьми ее знакомой из соседнего дома, которой надо было срочно идти к врачу, а оставить детей одних она не решилась. Я согласилась с неохотой: по телевизору показывали любимый фильм «Морозко», да и мальчишки ее 4-х и 6-ти лет были неугомонными. Ну и, конечно, сколько я их ни увлекала чтением сказок (телевизора у них не было) и играми, они шумели, смеялись и успокоить сорванцов было непросто. Даже когда их соседка стучала в стену, они умолкали только на несколько минут. Та самая соседка, которая, кстати, переругалась со всеми

в округе, и сообщила о таком «вопиющем безобразии» в школу. Представляю, как она сгустила краски. И вот я, отличница класса, председатель Совета дружины школы, стояла пристыженная перед ребятами, потерявши уважение Капитолины Михайловны, и ничего не могла вымолвить в ответ. Не помню, как пришла домой, а вечером, плача, рассказала маме, повторяя: «Это несправедливо, это было не так...». И хотя мама придерживалась правила, что взрослые всегда правы, на этот раз она встретила с учительницей и объяснила ей, как все было на самом деле, а та лишь с сожалением ответила, что этого не знала... Все последующее время я ждала, когда Капитолина Михайловна скажет при всем классе, что произошла досадная ошибка, что я ни в чем не виновата, но этого так и не случилось. Та боль сидела во мне очень долгое время, боль от несправедливого отношения, от клейма, если хотите, поставленного прилюдно да еще человеком, которому я доверяла...

Прошли годы. Теперь я и сама учитель и твердо знаю, что никогда не унижу ученика, тем более перед всем классом. А ошибки, которые совершает человек, надо уметь признать. Это и есть справедливость... Спасибо за урок.

Irina Bayly. АНЮТА

Дед Андрей умиленно смотрел на белокурую головку своей внучки Анюты. Смотрел и думал, испытывая знакомую тупую резь в области желудка, что теперь все будет по-другому и он никогда не обидит эту малышку и не поднимет на нее руку, не накричит и не оскорбит обидными словами, как делал это,

воспитывая ее мать. Ему выпал как будто бы второй шанс, которым дед Андрей твердо решил воспользоваться и исправить ошибки своей молодости. Просто пока он не знал как. А времени на это было у него не так уж и много. Дочь несколько лет назад уехала жить в Англию, виделись они редко, и вот наконец-то она прилетела на родину – ненадолго погостить с Анютой.

Трехлетняя девочка сидела на корточках и с серьезным видом пыталась рассмотреть что-то на земле. Она была одета в очень простое вязаное платьице пудрового оттенка, и это придавало ее облику очень нежный и воздушный вид. Анюта была похожа на зефирку с клюквенным вкусом.

Дед Андрей совершенно не знал, как обращаться с этой хрупкой девочкой, потому что она почти не говорила по-русски и ее изящные манеры и женственность могли смутить любого взрослого. Особенно такого, как ее дед. Ему никогда не приходилось иметь дел с такими леди.

«Look! – Анюта подбежала к деду и осторожно раскрыла крошечную, розовую ладошку. – It's nice».

Там сидела божья коровка.

Анюта посмотрела на дедушку своими большими голубыми глазами и улыбнулась. «There you are!»

«Ох, и, что ж мы теперь будем делать-то с ней? – по-русски ответил дед Андрей, не понимая ни единого слова внучки. – Надо отпустить ее, давай посадим божью коровку на цветочек? А? Давай?»

Анюта посмотрела на него немного недоуменно, потом неожиданно, с легким английским акцентом ответила:

«Давай!»

Она понимала по-русски почти все, но говорить предпочитала по-английски.

Дед Андрей очень аккуратно взял внуку за крохотную ручку и повел ее к клумбе выбирать цветок для божьей коровки. «Самый красивый», – подумал про себя он.

С уважением и наилучшими пожеланиями

Ирина Бэйли

Виктор Шкель (Viktor Shkel). Новелла

(на конкурс – выделенные желтым отрывки)

АННОТАЦИЯ

Текс новеллы «Как снег на голову...» описывает снежную ночь и утро одного зимнего дня из жизни немецкого переселенца из России, когда совсем не по счастливой случайности, а благодаря его профессионализму и таланту архитектора, в одно мгновение по телефонному звонку меняется к лучшему жизнь нашего героя и его семьи. Наверняка, в жизни многих переселенцев из России были схожие трудные моменты, когда нужно было найти верный выход из почти безнадежной жизненной ситуации, при этом не опуская рук и не теряя надежды. Кто-то нашел решение самостоятельно. Очень здорово! А для тех читателей, кто в настоящее время находится в

похожем положении, надеюсь, данная новелла поможет вновь обрести веру в себя и найти правильное решение для того, чтобы изменить свою жизнь к лучшему. Хорошего прочтения и исполнения надежд.

Как снег на голову...

Всю ночь, особенно обильно в последние семь часов, не прекращаясь ни на минуту, шел снег, падая на землю крупными хлопьями серебристых снежинок. Накануне Рождества снега выпало очень много. Для южной части Германии это было совсем неожиданным природным явлением ввиду такого чрезмерного количества осадков. К тому же, случившийся снегопад был почти внезапным. За ночь вся земля, улицы, переулки, за исключением проезжей части, все вокруг было укрыто плотным покрывалом снежного покрова величиной не менее полуметра. Конечно же, коренные немцы, не привыкшие к таким сюрпризам природы, с раннего утра неистово чистили от снега крыши и капоты своих личных автомобилей, безудержно поглядывая на часы и думая непрерывно, как бы это не опоздать на собственную работу, вспоминая всех святых в сердцах. «Работа, работа, работа...» – только и мелькало в голове у большинства бюргеров, так как потеря ее грозит большими неприятностями и внутренней неустроенностью, перерастающей в ежеминутное внешнее противостояние с окружающей средой и сложившимися неблагоприятными жизненными обстоятельствами. Статус безработного – как паралич воли постоянно давит над каждым жителем этой западноевропейской страны, и неспроста является основной причиной массовой депрессии многих немецких граждан....

...Иван, немецкий переселенец из средней полосы России, всю ночь не спал. Которую ночь его в очередной раз одолевала глубокая бессонница, вызванная внутренней душевной тревогой. Вот почему он

опять, почти всю ночь, простоял у окна, глядя на одинокий уличный фонарь напротив того единственного двухстворчатого окна, выходящего на проезжую часть, его небольшой квартиры, в которой он проживал вместе со своей женой. В последнее время она много и часто болела, а средств на полноценное и эффективное лечение не хватало. Медицинская страховка была мизерной, и погашала лишь часть затрат. Деньги, оставшиеся от продажи квартиры в России после смерти матери и другая их часть, уже отложенных здесь, как заначка на «черный день», с последнего места работы, заканчивались. Далее, как долгая черная полоса в жизни, предприятие, на котором работал Иван, закрылось еще в сентябре прошлого года, неожиданно объявив своим сотрудникам о нагрянувшем банкротстве. На дворе в полную силу разрастался ипотечный кризис. Предприятие же занималось строительством жилья, спрос на который упал не только в США, но и в Германии тоже. Вроде бы понятно, спрос – рождает или «убивает» предложение. Тем не менее, Иван искренне недоумевал, почему закрылось предприятие, на котором работал именно он, а не какое-то другое. Работу он еще не нашел, хотя искал долго и упорно, используя все возможности для поиска. А еще нужно было из каких-то средств погашать «тикающие» проценты по взятому в банке кредиту на строительство собственной квартиры.... Как, из чего, так и не укладывалось в голове у Ивана, и мысли, одна тревожнее другой, который месяц все время не покидали его. Наступившая жизненная черная полоса и выпавший сегодня белый сегодняшний снег – чем не контраст или противопоставление, как выделенное свыше противостояние белого и черного... Белый снег, как он похож, на тот, который выпадает в России, особенно когда его было так много, как сейчас, и как он чист... А черные мысли Иван гнал и гнал прочь, стараясь заглушить или отместить их, вспоминая лишь хорошее в его прошлой жизни....

...Утро состоялось, многие немцы уже добрались до своей работы, несмотря на заторы на дорогах, а Иван так и продолжал неподвижно

стоять у окна и почти безучастно наблюдать за тем, что происходило на улице. Жена мирно спала в соседней комнатке, крохотной спальне, находящейся на верхнем этаже старого дома, как и вся их съемная квартирка. Небольшое окно в спальне, как отверстие во Вселенную, смотрело в небо, и свет из этого окна начал проникать вовнутрь, оповещая о начинающемся дне... Иван не захотел будить свою любимую, так как понимал, что длительный сон помогает ей вести борьбу с нагрянувшим невзначай недугом. Приготовив на скорую руку несложный завтрак «холостяка» – чай, ветчину с яичницей и булочку с маслом - и осторожно поставив эту нехитрую снедь на прикроватную тумбочку, а затем, приложив небольшую записку со словами любви и кратким пояснением, что намеревается на короткое время пройтись по улице и «причесать» во время неспешной прогулки свои собственные мысли, Иван, одолеваемый внутренними терзаниями, вышел на улицу. Только он понимал и внутренне один на один осознавал, насколько глубоки и серьезны были его раздумья, густо замешенные на гремучей смеси тревог и стресса... Осторожно выйдя из квартиры и тихо прикрыв за собой дверь, чтобы не разбудить дорогого ему человека, он захватил с собой мобильный телефон, как спасательный круг последней надежды, машинально, почти на авось. Однако, по правде говоря, звонить ему было некому, да и некуда. Домой разве что...

...Впереди бежал незамерзающий Дунай, сильная и независимая река, среди больших деревьев просторного парка, силуэты которых смотрелись особенно изысканно и величаво из-за продолжающего сыпаться сверху обильного снега. Это напоминало рождественскую сказку. Вокруг встречались редкие прохожие, в основном пенсионеры, которым не нужно было никуда особо спешить, или студенты, уже напротив, спешащие на занятия в университет, а также изредка молодые мамы с колясками, в которых мирно посапывали их малыши, несмотря на непогоду и снегопад. Иван часто ловил себя на мысли, что ему было непривычно видеть совсем не плачущих маленьких детей, будь то в маленьком магазине или большом супермаркете, на

базаре, в аптеке, в парке, или просто на улице. Наверное, внутреннее спокойствие из поколения в поколение передавалось в прошлом и передается сейчас немецким детям, и они совсем не проявляют беспокойство, так как где-то на подсознательном уровне чувствуют, насколько спокойны их родители. Такая безмятежная картинка окружающего мира немного успокоила и его. Поэтому не удивительно, что, наблюдая эту идиллию, ему захотелось присесть на заснеженную скамейку. Немного очистив ее от снега, Иван почти упал на нее и стал всматриваться в бегущие воды Дуная. Перед его глазами предстал небольшой каменный мостик через реку, и он мысленно представил, как его судьба, как этот мост, пролегла от далекой России в нынешнюю Германию, родину его далеких предков....

Сколько именно прошло часов, сидя на этой скамейке, Иван не заметил. Он не отдавал себе полного отчета, как оно течет, поскольку его Величество Время существовало в тот момент само по себе, а он сам по себе, если не сказать – совершенно в другом, почти параллельном, мире. Иван вспоминал Россию, детство, увлечение рисованием как хобби, так и не ставшим его основной профессией, поскольку он закончил архитектурный факультет, а не академию художеств, родительский дом, рано постаревшую и ушедшую в мир иной золотую маму, друзей, сослуживцев по работе и первую любовь, которая стала его женой и продолжала оставаться для него до сих пор краеугольным камнем и основой его пребывания на этой грешной земле. Иван совсем не замерз, несмотря на отрицательную температуру и неподвижное сидение на морозе, он почти не замечал холода. Лишь изредка его мысли находили пересечение с реальностью, например он с любопытством наблюдал за стаей черных наголоватых ворон невдалеке, которые на его глазах устроили громкую перепалку своим навязчивым карканьем из-за случайно доставшейся еды (кто-то из прохожих бросил им горбушки хлеба), или его восхитила очаровательная пара белоснежных лебедей, грациозно проплывающая мимо по Дунаю. Их скользкое по воде движение,

почти парящее, невзначай напомнило ему о жене, и мысли обратились уже к ней, как там она одна, в оставленной квартире...

...Внезапно раздался телефонный звонок мобильного телефона. Иван сначала подумал, что это звонил какой-то другой телефон, прохожего например или кого-то еще, а не его собственный телефон. Ведь звонка он совсем не ждал... Однако звонок был настолько настойчивым и требовательным, что вернул его в реальный мир, возвратив из мира воспоминаний, которые в настоящий момент отгоняли его черные мысли. Он быстро нащупал телефон во внутреннем кармане куртки и с некоторой тревогой и замиранием в сердце, переходящей в опасение от нагрянувшей неизвестности и немного вопроса – кому же он понадобился в этот час, отозвался на неожиданный звонок, выдавив из себя короткое приветствие по-немецки Hallo, словно поперхнувшись. Но на другой стороне после ответного приветствия и личного представления приятный женский голос сообщил, что персональная работа Ивана в конце концов победила в конкурсе архитектурных проектов. Неужели? Иван никак не мог поверить в эту новость, и переспросил несколько раз, так ли это...

...Дело было более года назад. Тогда случайно Иван прочитал объявление в местной газете об объявленном конкурсе о проекте на удобный для проживания, недорогой и компактный дом для небольшой семьи. Немного поразмыслив, чем Бог не шутит, он принял участие в том конкурсе. Причем к участию в нем отнесся весьма ответственно и взыскательно, прежде всего, по отношению к самому себе, представив себя лично на месте этой семьи. Именно поэтому Иван сначала вложил всю свою Душу, а затем уж и профессиональные знания в данный проект. Переписка с организаторами конкурса велась сначала по нарастающей. Потом как-то затихла, и совсем не по его вине, после чего неожиданно и вовсе сошла на нет. Год молчания и неизвестности – это достаточно много для того, чтобы разувериться в

чем бы то ни было. Вот почему Иван потерял всякую надежду на то, что из этой затеи получится что-то путное. Сейчас же, как сегодняшний снег на голову он услышал почти сказочное голосовое сообщение, что его ждут завтра в головном офисе большого строительного концерна по такому-то определенному адресу, и если он пожелает, то готовы принять его на работу на бессрочной контрактной основе, сразу же и без тестового периода, для сопровождения строительства семейных домов, которые будут возводиться по его проекту... Ущипнув себя как можно сильнее, Иван понял, что это не сон, не галлюцинации и не грезы его растревоженного мозга...

...Утро постепенно переросло в день. Пурга-метель прекратилась также неожиданно, как и началась внезапно вчера вечером. Солнце набрало силу, и снег в его лучах заискрился так, что вызывал слезы в глазах. Тем не менее, Иван совсем не стеснялся своих слез. Быстро слепив огромный снежок, он, с задором маленького мальчишки и с пронзительным криком «Ура», запустил его в ближайшую стаю порядком надокучивших ему ворон, которые испугавшись от неожиданности, стремглав взлетели и уселись неподалеку на верхушке высокого дерева. Черные птицы с недоумением и большой опаской взирали с высоты на Ивана – вроде взрослый уже мужчина, седина в бороду, а ведет себя как малое дитя. Но Ивану уже было не до них. Начинался новый поворот в его жизни, как реализация и воплощение долгой надежды. Черная полоса жизни сменялась белой. «Теперь все будет по-другому», - не уставал повторять про себя Иван. «Все и вся пойдет с сегодняшнего дня иначе, я знаю это и уверен в этом!». С этими добрыми мыслями и неожиданно нагрянувшей доброй новостью о будущей работе он со всех ног бросился бежать домой, чтобы поцелуем разбудить ту, которую любил больше всего на свете, и сообщить ей радостное известие... И только лишь белый Ангел Хранитель с небес проводил его улыбкой вослед... он то, безусловно, знал обо всем этом происшедшем заранее, и внезапный снег на

голову, как предпосылка к грядущим изменениям было делом его чистых рук...

Новый Ульм, Германия, декабрь 2010

Aelita Galevska. Листья

Мы такие хрупкие как сухие листья, которые смели в угол улицы. И, такие жестокие одновременно, как ветер, который сорвал эти листья неделей ранее.

Я задираю голову высоко в небо до боли в шее. Боль напоминает мне что я жива. Закрытыми глазами стараюсь нащупать правду, крупницу разума в этой липкой череде бессмысленных событий. Чем больше я ищу, тем сильнее она разгоняется и исчезает за поворотом.

Смирение - это жить с миром. Но и мирный же - от слова мир? Что-то явно пошло не так. Где-то сломалась матрица, росток так и остался недоростком, а подросток так и не вырос. Поезд не пришел к перрону. И не важно как долго его ждут. Он не придет. Так и эта правда, ускользнувшая за угол моего зрения. Ее нет, а может и вовсе не было. Она, возможно, закатилась за глазницу и уже никогда не увидит свет.

Я стою по середине улицы с закинутой вверх головой и закрытыми глазами, и мне хочется выть от беспомощности. Так воет волк, которого загнали в угол овцы. Так быть не должно. Я не хочу чтобы так было.

В такие периоды, спасение одно – обратиться к природе. Может и Бог в ней. Некая религия. Может я у нее научусь принимать жестокость, как часть этой непонятной игры, где трава скошена слишком рано и не снегом. Так быть не должно.

Я снова наблюдаю за деревьями – они напоминают, что сейчас осень, а значит было лето и будет зима. Я думаю о том, что все циклично. И на нашей улице будут перемены. Когда-нибудь слишком поздно, но будут. Я почти сумела убедить себя. Я держусь за луч солнца пробивающегося сквозь кроны деревьев и вдыхаю морской воздух. Хрупко. Вкусно. По-настоящему.

Обращаюсь к своему нутру и обещаю и дальше продолжать видеть то, что глазами не увидешь. И как бы трудно не было. Мой радиус – это все что у меня есть. Так мало и так много одновременно.

Мы такие хрупкие как сухие листья, которые смели в угол улицы.

Нина Верешко. Стихи

Болит

Когда Боль

Безмятежно безлика

Когда

Радость и скука

Идут невпопад

Когда

Сльози подспудно
Ув'ядають в разлуке
Принося в упокой
Безмятежності взгляд.

(Нина Верешко)

/10.02.2023/

Флешбеки в дитинство

Флешбеки в прірву

Де знову куля

Не минає солдат

Як жити в гніві

Як жити в тіні

Немов в тумані

Поринаючи в страх

Біжу

В долонях

Тримаючи сльози

Задуха, біль

Розривають туман

Не можу жити

Ковтаючи сльози

Де гнів і страх

Розривають "дах"

Туга за біллю

Доганяючи смуток

Перебігають разом вперед

Як жити в гніві

Як жити в смутку

Журба у ві сні

Не дає повернутись

Назад

(Ніна Верешко)

/10.02.2023/

Василий Розен. Отрывок из рассказа "Ничего" (окончание)

Сквозь высокое окно было видно, как напротив главного входа в парковочном кармане остановилась четвертая Ауди, голубая, как мечта о лучшей доле. Из-за руля выбрался пожилой грузный мужчина в хорошем костюме и шелковом переливающимся галстуке. Обошел машину, галантно открыл дверь, подал руку девушке. Шикарным нажатием кнопки на пульте запер "четверку" (та послушно мигнула

габаритными огнями), повел девушку под руку к дверям "Посейдона". Солидный прибыл, подумал Михалыч и встал, готовый встретить клиента и проводить в номер, не задавая лишних вопросов.

Пара вошла в холл, резная итальянская дверь на фиксаторе мягко закрылась за ними. И тут Михалыч узнал солидного.

— Бро?

Солидный взгляделся, не узнавая, потом в глазах за золочеными, тонкой оправы, очками что-то мелькнуло, и он сказал:

— Профессор Табачник моя фамилия, Бронислав Львович, так меня зовут. С кем имею честь?

— Не узнал? Колич я, однокурсник, — сказал Михалыч и тут же пожалел — лучше б неузнанным остаться...

— Ах, да, конечно, — губы профессора раздвинулись в улыбке, показав ровные отремонтированные зубы, — это что ж, — он обвел рукой помещение, — твой бизнес, значит?

— Да вот, работаем помаленьку... — неопределенно протянул Михалыч, и в нем затеплилась надежда, что, может, Броня и не издевается вовсе, а и вправду принял Михалыча за эдакого рачительного хозяина, который не в офисе с ногастой секретаршей сидит, а сам, лично вникает в детали, а порой не брезгует и руками поработать... К счастью, халат синий Михалыч снял, а одет он был в приличные вполне джинсы да футболку, еще с египетского курорта привезенную: ярко-оранжевую, праздничную, с надписью "Red Sea", так что вполне он мог в таком виде сойти за хозяина — по-простому прикинутого, конечно, но хозяина...

— Ну-ну... — протянул Броня-профессор, оглядывая Михалыча, — А вот, кстати, познакомься: Ира, юное дарование, будет поступать на наш факультет! Ирочка, а это Николай Михайлович, мы с ним вместе учились, а теперь вот видишь — бизнес у человека...

Ирочка равнодушно улыбнулась накрашенными губами. Михалыч невольно скользнул глазами по ее основательно обнаженным ногам, по пышной груди, буквально вываливающейся из выреза летнего облегающего платья — и отвел глаза, поняв, что Броня его откровенно разглядывает.

— Ну, показывай, Колич, свое хозяйство!

Михалыч обрадовался: сейчас он проводит парочку в кабинет, а там уже все приготовлено — так, глядишь, Броня ни о чем и не догадается. Но тут сзади раздалось:

— Бронисла-а-ав Львович! — это Сан Саныч спускался из своего кабинета, улыбаясь умильно и протягивая руку для пожатия, — Здравствуйте, дорогой, здравствуйте, добро пожаловать — вот, Михалыч вас проводит, все уже готово, как и договаривались...

Михалыч понял, что Броня, по старой театральной привычке, слегка его разыграл экспромтом — знал он, гад, чье это заведение, и сразу понял, кем здесь трудится его старый приятель... Стараясь не смотреть на Броню, Михалыч проводил парочку в кабинет, все показал и с особенным трудом выговорил последнюю фразу:

— Если что нужно — вот колокольчик, звоните, я услышу...

— Конечно, Колич, непременно позвоню! — профессор улыбался все веселее. И точно, минут через десять из кабинета позвонили, и Михалыч, как положено, занял позицию у двери номера, ожидая, пока клиент сам выглянет. Броня и выглянул.

— Слушай, Колич, не в службу, а в дружбу — организуй быренько пачечку гандонов. Сосать-то она и так будет, — Броня оглянулся туда, где Ирочка, видимо, уже готовилась к главному своему вступительному экзамену, — а вот совать в нее... хрен ее знает, что она там из своего Задрищенска привезла, а я свой уд не на помойке нашел. Давай, давай, одна нога здесь — другая там! — и сунул несколько купюр, — Принесешь — постучи.

Михалыч взял деньги и вышел из предбанника на вдруг онемевших ногах. Разумеется, не было нужды бежать куда-либо: запас гандонов, как и запас бухла и всего, что могло понадобиться гуляющей компании любого состава, имелся на складе — в "каптерке", как называл это помещение Сан Саныч, армейская служба которого, была, видимо, самым ярким впечатлением всей его жизни. Цены, разумеется, процентов на 20 превышали таковые в ближайших магазинах, но клиенты не жаловались: платили ведь за сервис...

Держа в руках пачку "Durex"а и честно отсчитанную сдачу, Михалыч деликатно постучал в дверь. Броня выглянул — уже багроволицый, без очков, под мохнатым пузом наспех повязано полотенце. Ирочка, видимо, уже потянула билет.

— Ага, молодец, дружище, спасибо, — забрал принесенное и дверь захлопнул.

Через два часа, когда Михалыч протирал кафельный пол в холле, из "кабинетного" коридора вышел Броня, держа под локоток девушку. Броня лоснился, как блин на Масленицу, очки победно сверкали. Он что-то нашептывал Ирочке в розовое ушко — видимо, обрисовывал перспективы ее научной карьеры. Девушка улыбалась вновь накрашенными губами — но не так, как бесполезному Михалычу, холодно и отстраненно, а — с интересом, стреляя глазками. Она уже ощущала себя студенткой и праздновала заслуженную победу.

— Николай Михалыч, всех благ! — махнул рукой наставник молодежи, проходя мимо.

— Бронислав Львович, на минуточку... — вдруг сказал Михалыч, неожиданно для самого себя.

Броня притормозил, кивнул Ирочке на дверь — иди, мол, я сейчас, — повернулся к Михалычу.

— Слушаю.

— Броня... — Михалыч откашлялся и прислонил швабру к стене, — Я слышал, ты все на кафедре?

— Да что там на кафедре — деканствую я, уже третий год!

— И как, хорошо дела... идут? — бледно улыбнулся Михалыч.

— Разумеется! Высшее образование сейчас, знаешь ли, в цене! Мы только в нашей области два филиала открыли, а теперь и про дальнее зарубежье думаем. В том же Израиле, например, много нашей молодежи, и почти все хотят на родном языке учиться! Это, дружище, золотое дно, вот так вот! Ну, бывай! — и по плечу похлопал мягкой барской ладонью.

— Броня, послушай... Там у тебя на кафедре... то есть, на факультете... работы никакой не найдется? — Михалыч выговорил фразу — будто в холодную речную воду рухнул с порога бани, как тогда, на турбазе «Ольденбургское», и дыхание так же перехватило.

Броня смотрел на Михалыча внимательно и уже без улыбки, и Михалыч сразу понял, каков будет ответ, и пожалел уже, что спросил, но поздно было, и стало ясно, что ответ придется выслушать, будто выпить ту чашу с цикутой, которую мимо не пронесли...

— Нет, Николай Михайлович, — четко, по-лекторски, выговорил Броня, — нет у нас для тебя работы. Нам сейчас серьезные люди нужны, хваткие. А ты... — Броня оглядел его целиком, вместе со шваброй у стены, — Запорешь ты нам все, вот что. Так что извини — работы нет.

И, уже выходя сквозь резную, с узорами, дверь наружу, к машине и к Ирочке, оглянулся и добавил не без ехидства:

— ...и не предвидится!

И ушел.

Михалыч осторожно взял швабру и принялся медленными движениями водить тряпкой по полу — так, чтобы не потревожить наливающееся болью сердце.

— Ничего, Михалыч, ничего, — шептал он синеющими губами, — все нормально будет. Ничего...

конец

Mariia Tierokhina. Удивительное путешествие под названием жизнь

Существует множество определений боли и безусловно она бывает разного характера. В течении жизни человек сталкивается с разными ее проявлениями и причинами, будь то потеря питомца в детстве и сопровождающее ситуацию чувство - обида, злость, чувство вины и прочие или боль физическая, когда прибив палец о двери человек склонен также заплакать, разозлиться, порой даже найти «виновника» и ударить его, тем самым разделив свою боль.

Проявлений боли множество сотен и все имеют свой окрас, свою структуру и вибрацию. Если задуматься, каждый день мы, люди, испытываем боль, порой даже не задумываясь что это она, нас сопровождает чувство вины за съеденную шоколадку, запрет своему ребёнку в очередной «хотелке», возможно просто, что мы не помогли кому-то.

Нас сопровождает чувство собственной никчёмности в попытках доказать этому миру, что я достоин , ВЫШЕ БЫСТРЕЕ СИЛЬНЕЕ.

А как насчёт потери любимого человека , что как и все остальные виды боли встречается повсеместно. Разновидность этой боли ни что иное , как чистое эго.

Никто не уникален и всякий уникален по-своему.

Мы живем в мире Эго, это воссоздаёт ряд «проблем» и делает нас слишком похожими друг друга, в попытках доказать что-то друг другу мы остаёмся все той же «серой массой».

Лишив себя красок этой жизни, по истине прекрасных чувств, мы , как следствие, болеем.

Приятное в этом всём лишь то, что ни смотря на всю нашу боль, за каждым остаётся свой уникальный путь. И этот путь непременно покажет нам, как забраться на самую высокую гору, сбивая ноги , неся на спине непосильную ношу и наконец взобравшись вдохнуть чистого горного воздуха и затем прыгнуть в самое глубокое, тёмное ущелье в поисках себя и корней своей боли , чтобы изучить ее, рассмотреть со всех сторон, может быть даже покричать на неё , но в итоге приложить к сердцу, принять и изъять из нее силу, которой хватит ещё на поколения вперёд.

Наверняка с многим случилось что-то «плохое» в этой жизни , будто потеря близкого человека , война, предательство, стихийные бедствия...год может показаться десятилетием, оглянитесь назад и сравните себя теперешнего с тем самым собой в прошлом . Что изменилось?

Не зря ведь говорят , что нас не убивает , делает нас сильнее.

В боли ресурс , ресурс буквально ко всему, если довериться себе и исследовать этот чудный внутренний мир, неизвестно сколько можно откопать золота.

Ни это ли алхимия, друзья мои. Совершенно все можно превратить в драгоценные породы и металлы. Стоит лишь заметить и исцелиться.

Количество миров бесконечно и все эти вселенные живут в нас, совершенно непредсказуемы своим окрасом и частотами.

Удивительное путешествие под названием жизнь.

Elena Yakubsfeld. Отрывок из рассказа "Жак"

—

После того холодного декабрьского дня многое произошло. Мы поженились и осели в Нью-Йорке, воспитывали моего сына, работали. У нас родилась дочь, у сына была Бар Мицва. Мы переехали в Париж. У нас родилась вторая дочь. Я бы хотела сказать, что все эти годы я искала Жака. Но нет, я не искала. Я жила своей жизнью я рожала, воспитывала, готовила ужины и обеды, вытирала носы и дула на разбитые колени, купала и проверяла домашние задания. Но я помнила, я помнила всегда. И время от времени, щурясь в полумночной темноте на невыносимо яркий экран, искала. В энциклопедии Холокоста, в архивах Яд Вашем. В архивах Парижа. И везде натыкалась на одни и те же несколько строк:

«Жак Жакобсфельд родился в Париже в 1934. Во время войны он был во Франции. Депортирован конвоем No22 из лагеря Дранси, Франция в лагерь смерти Освенцим-Биркенау, Польша 21 августа 1942 года.

Жак погиб во время Холокоста.

Эта информация основывается на Списке Депортированных, который находится в Мемориале Депортации Евреев Франции Беаты и Сержа Кларсфельд, Париж, 1978.»

Кто были его родители? Почему он был депортирован один? Я искала ответы на эти вопросы, чтобы перестать искать ответ на самый страшный: как можно убить ребенка?

Наконец, не помню, по какому наитию, но я сделала то, что должна была сделать с самого начала: посмотреть базу данных Мемориала Депортации Евреев Франции. Жак, конечно же, был там. Только в этот раз отправным пунктом для него значился не лагерь Дранси, а Бон.

Бон.

Бон-ля-Роланд.

Об Освенциме знает весь мир. О Боне знают немногие. Бон — это французский стыд. К сожалению, этих пятен стыда на лице Европы

множество.

Летом 1942 гитлеровцы потребовали у французской полиции ареста евреев от 16 до 50 лет. Генеральный секретарь французской полиции режима Виши не возражал, кроме того «неприятного факта», что заниматься этим придется французской полиции, а не самим нацистам, и настоял, что евреев-граждан Франции трогать не будут. Таким образом они показали миру, что да, можно быть коллаборационистом и сохранять верность идеалам республики. В то же время, режим Виши старался во что бы то ни стало сохранить видимость своей независимости и для этого ему нужно было убедить Третий Рейх в его полной готовности к сотрудничеству.

В ночь с 15 на 16 июля, в четыре утра полиция пошла по домам. В каждую квартиру заходили двое французских полицейских, незнакомых до этого друг с другом, это было сделано во избежание организации ими какой-либо помощи евреям в побеге или укрытии, к тому же их сопровождал немецкий солдат. Незадолго до этого была другая облава в Париже, в ходе которой брали еврейских мужчин, поэтому при первых признаках облавы многие мужчины спрятались, уверенные, что женщин и детей трогать не будут. Однако на этот раз все было по-другому: брали всех-женщин, детей, стариков, мужчин, от года до семидесяти лет. Всех, кроме младенцев, которых оставляли в опустевших квартирах на произвол судьбы, соседей и консьержей. В эту облаву попали 13000 евреев, большую часть которых собрали на Вель д'Ив-зимнем стадионе для велосипедных видов спорта. Более 40 процентов из жертв облавы составляли женщины, более 30- дети. Неделю, целую июльскую неделю -а парижане знают, как убийственна июльская жара в Париже,- семь с половиной тысяч еврейских женщин, детей и мужчин держали на этом стадионе. При закрытых окнах, под выкрашенной в синий цвет стеклянной крышей. Без туалетов, на минимальном пайке, без достаточного количества воды и практически без медицинской помощи - та небольшая группа представителей Красного Креста, врачей и медсестер, которую допускали на стадион,

не могла справиться с наплывом больных и нуждающихся в помощи.
Неделю люди

страдали, сходили с ума, умирали, истерили, кончали жизнь

самоубийством. Женщины рожали, дети умирали. При любой попытке к бегству стреляли на поражение и без предупреждения. Тех, кто выжил, автобусами вывезли в лагеря промежуточного заключения: Питивье, Дранси и Бон-ля-Роланд.

Бон-ля-Роланд находился возле одноименной деревушки и был изначально построен как лагерь для немецких военнопленных во время Первой Мировой Войны. Вскоре после того, как евреев привезли в лагерь, мужчин

отделили от женщин и детей и вывезли в Дранси. Дранси был промежуточным лагерем, откуда шли составы на Освенцим и Собибор. В первых числах августа, ранним утром начали разделять детей и матерей. Крик стоял такой, что жители близлежащей деревни не выдержали и покинули свои дома, спасаясь в лесу от ужасных воплей. В лагере наступил конец света. Отчаявшиеся охранники обливали водой обезумевших женщин и детей, на женщинах рвали платья, дети цеплялись за матерей и вдруг наступила мертвая тишина – на них направили оружие. Всем все стало ясно. Матери и дети замерли.

Мне говорили, что жители деревни Бон-ля-Роланд сколько жили потом, помнили, какой стоял крик, когда у евреек забирали их детей.

Я не могу об этом писать. Я чувствую, что это святотатство - пытаться описать эту чудовищную муку, это неизбывное горе, это хуже смерти отчаяние, которое ни одна мать не могла себе представить, когда рожала своего ребенка, в боли, слезах и радости, ни один ребенок не мог себе вообразить, когда первый раз протянул к маме руки и сказал «мама».

Я не могу об этом писать. И молчать не могу тоже.

Елена Якубсфельд, 2017

Anna Molodtsova (Анна Молман). Отрывок романа "Дьявол с луковым духом"

- Ну, чего ты? - растерянно говорил придерживавший её молодой человек, а

Алиса плакала навзрыд, будучи не в силах остановиться. Истерика ещё только

набирала обороты, усиливаясь от чужих прикосновений. Скоро начнут стучать

зубы и трястись руки. И справиться с этим невозможно. Только занять пост

стороннего наблюдателя в собственном теле, дав ему закончить начатое. -

Сейчас-сейчас, в дом зайдём, водичкой холодной умоемся, сразу легче станет.

Он уговаривал Алису, как маленькую, сопливую девчонку, нёс ещё какие-то

глупости, пригодные для малявок. А сам непреклонно вёл её в дом. И осознание

того, что к ней снова вторгнется какой-то мужчина, снова зайдёт в её убежище

помимо её воли, снова сделает то, что нужно ему, а не ей, поставило последнюю

каплю в нарастающей буре.

- Не станет! - закричала девушка уже на крыльце. Она упёрлась изо всех

своих крошечных сил, отказываясь заходить с ним вместе в свой дом. - Все мои

беды из-за вас!

Урри шагнул и вдруг крепко прижал Алису к своему немалому телу кузнеца,

не став ограничивать руки, позволяя побить его кулачками. Но внезапно и сама

девушка получила чувствительный удар. Изнутри. Малыш пинался, приводя в

чувство маму, а через неё и приветствуя прижимавшего её парня.

- Бутузит, - задумчиво сказал кузнец, продолжая успокаивать Алису.

Девушка ощутила, как её начинает отпускать. Бить молодого человека больше

не хотелось. Раз его объятья принял малыш, значит, и ей не стоит бояться. -

Бутуз. Идём, водички хоть попьёшь. Я увижу, что ты в порядке, и сразу уйду.

Извини, что я не посмотрел, куда двигаюсь, и чуть стирку тебе не испачкал.

Постараюсь такого больше не допускать.

- Урри, отпусти меня, пожалуйста, - попросила белошвейка, вытирая слёзы и

отстраняясь от парня.

- Ой, извини, - отдёргнул руки молодой человек. - Я не специально, честно.

Это у меня инстинкт с детства. Сестра младшая как в истерику впадала, то

точно так же начинала себя вести. Помогало только крепко обнять. С тех пор я

лапы-то и тяну. Больше не буду. Ты не бейся, ладно?

- Не стану, - кивнула девушка, открывая дверь и делая шаг внутрь дома. -

Извини, что не сдержалась. Заходи, чего уж там. Чаю хочешь?

- Нет, - покачал головой кузнец, тоже почему-то шагая внутрь дома, хотя

делать этого не стоило. Просто совесть не позволяла ему оставить всё ещё

утирающую слёзы Алису одну. Парень убедится, что белошвейка успокоилась,

и сразу уйдёт. - А это что за следы? К тебе по ночам волки со стальными зубами

ходят?

Он указал рукой на глубокие царапины на косяке, двери и металлическом

замке. Намётанный глаз работника кузницы сразу заметил странность этих

повреждений. Урри глянул на хозяйку дома и поразился тому, как изменилось

её лицо после этого вопроса.

- Это - безысходность и боль, беспомощность и страх, - выдавила из себя

девушка, хватаясь руками за горло. - Это - ужас свершившейся казни. Это - отец

моего ребенка.

Она опустила руку на свой живот и вся словно сжалась, сгорбившись и даже

как-то уменьшившись. Втянула голову в плечи, будто стараясь быть как можно

незаметнее. Взгляд стал отсутствующим - девушка смотрела куда-то внутрь

себя. Губы снова затряслись. И без того серое лицо стало каким-то могильно-

бледным и даже старым. Такое воплощение животного ужаса и боли просто

ошеломило кузнеца.

- Что ты говоришь, Алиса? - кажется, часть её эмоций передалась и гостю,

потому что голос его дрогнул. - Разве так может быть?

- Может, Урри, - девушка взглянула на кузнеца, возвращаясь в реальность, и

вдруг из её глаз снова полились слёзы. - Мама умерла год назад, и я осталась

одна. Чуть отошла от потери, продолжила начатое ею дело, выполняя заказы от

соседей. Жила относительно спокойно и, в принципе, сыто. Вот только по

ночам мне периодически снились кошмары. Я всегда просыпалась до того

момента, как во сне со мной случалось что-то по-настоящему страшное. Но

однажды пробуждение не принесло спасения. Он был весь в чёрном. Он бил

меня по лицу, выламывал руки и душил подушкой крики. После того, как он

сломал мне нос, я потеряла сознание от боли. Очнулась, когда его уже не было,

а всё внизу словно огнём пожгли. Я лежала на мокрых от крови простынях и

никак не могла поверить в то, что это мне не снится.

Белошвейка бормотала и бормотала, выплёскивая на гостя потоки ужаса и

страданий. Она рассказывала, как ползла на вывернутых руках от своего дома к

целительнице, сдабривая поздний мартовский снег кровью. Как снова потеряла

сознание, очнувшись уже на накрахмаленной постели Железной Пэт, которая

вливала ей в рот какой-то целебный отвар. Как в приступе неконтролируемого

отвращения сжигала в печи испачканные засохшей кровью простыни. И как

теперь кошмары ей снятся гораздо чаще, заставляя переживать всё снова и

снова.

- А потом я поняла, что этот волк со стальными зубами оставил мне не просто ужас перед ночными шорохами и чужими прикосновениями, - Алиса

уже не плакала, голос её чуть окреп. - Он оставил мне проросшее семечко. А

через пару месяцев и всеобщее осуждение не заставило себя ждать

Урри молчал, спрятав руки за спину и не зная, что сказать. Он и подумать не

мог... Представить был не в состоянии... У них в деревне? Такое?! Поэтому он

сделал единственное, что пришло в этот момент в голову - шагнул обратно к

двери, открыл её и ещё раз внимательно осмотрел следы взлома.

- Кажется, это был тонкий стилет, - высказал парень вслух свои

предположения.

- Боже, зачем я всё это тебе рассказала?! Что за умопомрачение на меня

нашло?! - снова схватилась за горло белошвейка. Кузнец обернулся к ней,

увидел красное от стыда лицо, закрыл дверь и прошёл к столу. Сел на один из

стульев.

- Ты ни в чём не виновата, - твёрдо сказал он. - Садись.

- Прости, прости, забудь, пожалуйста! А лучше уходи! - запричитала девушка, заламывая руки.

Валентина Коркоран. Отрывок из повести "Терновая беседка"

Отрывок из повести «Терновая беседка»

(Москва, Прага, «Пражская весна-68»)

В тот день Лора проснулась от голоса Валерия Ободзинского. Напротив дома тёти Жени было студенческое общежитие. Голос доносился из заигранного магнитофона «Весна» и был немного искажён. Но так пронзительно и волнующе звучало: «Эти глаза напротив чайного цвета...», что Лора затаила дыхание и слушала.

Настроение было безоблачное. Это немного настораживало – иногда за этой безоблачностью надвигались тёмные тучи....

Тётя Женя готовила завтрак на кухне, а на столе лежало письмо.

От Гриши!

Лора вскочила с постели, взяла письмо и вернулась обратно. Письмо было из дому, от отца. Тут же прибежала болонка Муха и вскочила к Лоре на кровать. В квартире ей позволялось всё или почти всё. Белая, пушистая, она прыгала вокруг Лоры и норовила лизнуть в лицо.

- Я тоже тебя люблю, - сказала Лора и погладила Муху, - садись, будем письмо от папы читать.

Начиналось оно обстоятельным описанием новостей дома и в посёлке. Отец писал, что Аркадий поступает в технологический институт в Херсоне; Зойке её спальня показалась маленькой, и она перебралась в Лорину; стол и скамейки в беседке выкрашены в бежевый цвет; все, и даже Рыжик, передают ей привет... Странно, - подумала Лора, - обычно отец начинает письма с морали и наставлений.

Следующая фраза насторожила: Лора, ты вступаешь во взрослую жизнь...

«Всё знают», - мелькнула мысль.

- Лорочка, письмо от отца? - спросила из кухни тётя Женя.

- Да, тетё Жень.

- Он собирается приехать?

- Ещё не знаю – не дочитала.

«...а она усеяна не только цветами, бывают такие повороты и удары, что только держись. Я хочу, чтобы ты была готова ко всему в

жизни». Ой, папуля, что-то туманно стал мысли излагать, - думала Лора, - к чему бы это? - «Ты, наверное, слышала о событиях в Чехословакии. Погиб Гриша Бойко. Спасая экипаж, остался один в танке и сгорел». Лора ещё не верила тому, что прочитала, стало сильно стучать в висках. Перечитала ещё раз: «...привезли в цинковом гробу. В субботу были торжественные похороны. Вот как бывает – был хулиган, а стал герой».

Резкая боль в затылке не дала дочитать письмо. Потемнело в глазах, и Лора потеряла сознание. Муха, решив, что Лора заснула, легла рядом и притаилась.

Очнулась Лора от резкого запаха нашатырного спирта. Тётя Женя стояла рядом с флаконом и ваткой в руках. В глазах был испуг. Муха забилась в угол, переводила взгляд с хозяйки на Лору и не могла понять, что происходит.

- Как ты меня, Лорочка, напугала. Вы, молодые, все малахольные какие-то, - тётя Женя говорила тихо, голос у неё дрожал - у тебя, детка, низкий гемоглобин, надо поднимать.

- Тётя Женя... письмо... как же это... он... мы же... - урывками выдыхала Лора.

- Тихо, детка, молчи, потом, потом, - она закутала Лору в одеяло, - ты дрожишь вся; поплачь – это помогает. А я пойду покурю. - она взяла папиросы и вышла на балкон.

На площади стоял удушающий смрад от выхлопных газов – жгли резину. Где-то пролетел коктейль Молотова.

- Чёрт подери, смотри, что творят! - воскликнул Гриша.

Несколько молодых парней забрасывали булыжниками впереди стоящий танк. Затем ломami проломили топливные баки. Через минуту танк густо задымился, появилось пламя.

- Надо спасать, - почти приказал Дёмин, - доставайте брезент, будем сбивать пламя.

- Командир! — Карим Кудайбергенов растерянно вжался в своё сиденье. - Какой-то шакал поджёг и наш танк. Тушить надо.

Парень ударом кирки пробил в их танке запасную бочку с соляной, а девушка поднесла факел к пробитому отверстию.

Танк задымился. Появился огонь.

В голове у Гриши как молния мелькнула мысль: цыганка! Бойся огня! Вот и выпал случай пройти испытание.

- Командир, - воскликнул он, - давайте все из танка, я выкручусь. Отъеду подальше от площади и выпрыгну.

- Гриша, ты чего? — возразил Олег, - я же водитель.

- Олег, давай вылазь. Жена на сносях. Забыл?

- Давай, Гриша, не затягивай, действуй быстро, не рискуй, - сказал Дёмин, а мы попробуем потушить. Все из танка! Карим, захвати брезент!

Гриша заставил себя разозлиться — это прибавил сил. Нажал на педаль подачи топлива. Топливо закончилось. Танк не заводился. Лихорадочно оценивал ситуацию: отъехать не смогу! Что-то жарковато в танке... надо выкарабкиваться...

Тело просило о помощи. Просилось жить.

Входной люк и люк запасного входа заклинило. Попытался дотянуться до люка механика-водителя — не смог. Без паники! — приказал сам себе и запел: сегодня он играет джаз, а завтра Роди...

Язык стал непослушным. Как будто рой пчёл налетел и начал жалить лицо.

Кровь закипела...вспышка...перед глазами быстро промелькнула плёнка с перфорированными краями; на ней череда лиц и событий: выплывает из утробы матери, побег из дому, цыганка, поцелуй с Лорой у ручья, могила Потёмкина, Лора машет рукой, а на безымянном пальце оловянное кольцо и её губы, пахнущие вишнями...

Кожа начала плавиться, а душа с криком выпорхнула в люк.

(из дневника Лоры)

4 сентября

Гриша, как жить? Дышать не могу без тебя. Жить не хочется. Болит всё внутри. Надо жить... как? Кажется, это сложнее, чем свалиться под поезд, как Анна Каренина.

На последний экзамен Лора не пошла. Всё равно не сдам, - нашла себе оправдание. Пошла гулять с Мухой во двор. Вспомнила родителей, Зойку, терновую беседку; вспомнила о том, что ягоды уже наливаются спелым, сизо-синим цветом.

Вспомнила, как когда-то укололась терновой иголкой. Капелька крови выступила... ой – больно! Только сейчас мелькнула мысль: Предупреждение? Первое?

Опять что-то не давало дышать и вдруг – на выдохе - сформировалось: домой! В сосновый лес! К терновой беседке! К деревянному мостику на краю света!

На кладбище Лора пошла одна. Хотела побродить немного, чтобы не сразу могилу найти.

Увидела! Как только вошла.

На могиле Гриши было много свежих цветов и длинный деревянный конус с покосившейся звездой. Много жёлтых хризантем. В сентябре их бутоны раскрываются полностью и стоят долго. Казалось, что могила в огне. Огонь, огонь, лихорадочно стучало в мозг, почему огонь? Ах, да, танк, взрыв, огонь... и цыганка. Что-то Гриша говорил про цыганку...

Лора стояла долго, без слёз, в онемении, как будто задеревенела. Ей показалось, что она вымолвила: какая короткая у нас была любовь, как у бабочки-подёнки.

Прощай, Гриша. Я люблю тебя, – сказать не могла, прошептала одними губами. Слёзы появились, когда шла домой.

В дом не пошла – ноги сами понесли к зарослям терновника. В беседку.

Жанар Кусаинова. Увидеть, как улетаёт душа

Помню отчетливо.

Мне было 6 лет.

Ему 7.

Мы прятались в сарае, на краю нашего горного поселка, в котором ничего кроме пыли, камней, холодного ветра.

Он вынул из кармана крохотную ящерку.

Она напрасно вертелась в его руках, пытаясь вырваться, спастись.

Я молчала, с ужасом следила за ним.

Он заглянул в мои глаза своими темными, печальными.

-Смотри, она живая! А теперь... - он сделал резкое движение, и ящерка перестала биться в его руках. Она замерла.

Он смотрел на нее взглядом ученого, исследователя.

- Она умерла. – сказал он.

Её смерть испугала меня. Как же это? Только что она была живая, и спустя всего одну секунду...

Мальчик- мой сосед, одинокий, печальный, пугал меня.

Но уйти я не могла, ведь он мой друг и ему больно.

Он вынул из кармана грязное, чуть треснутое увеличительное стекло. Вытер его об свою замызганную рубашку. И стал глядеть на тело крохотной ящерки.

Я несколько раз, заглянула через плечо.

- Я хочу увидеть, как улетает душа. – сказал мальчик.

Мы стояли еще несколько минут, но так ничего не увидели.

- Моя мама умерла месяц назад. Бабушка говорит, что ее душа улетела. Я хочу понять, как это происходит. И можно ли вернуть душу назад? - сказал мне мальчик.

Мы похоронили маленькую ящерку.

Мы сидели на берегу горной реки. Осень закончилась, листья давно облетели, голые ветки деревьев были похожи на звериные когти. Мы говорили о том, куда девается душа, когда мы умираем. Куда она девается, когда мы спим. Мой друг отчаянно хотел понять, что такое смерть. Он спрашивал у взрослых, они молчали, и, что еще хуже, сюсюкали, жалели его. Казалось, что они скрывают какую-то тайну, или что еще хуже, ничего не знают про смерть. И это было страшнее всего. Прошло много лет. Мой друг стал детским врачом. Ответов на вопросы про душу у него по прежнему нет. И у меня тоже.

Valeriia Konieva. Метаморфоза

Мне 28 лет, и я только что разошлась с парнем. В гостиной моей новой квартиры нет даже дивана, но мне все равно – главное, что у меня здесь много места, света и воздуха. Я открываю окно и смотрю на большую изогнутую ветку ели. Я слышу, как поют птицы. Вдыхаю, сажусь на подоконник устало и расслабленно – благо он широкий и крепкий. «Какое облегчение», – думаю я.

Из моей новой квартиры на 4-м этаже видны деревья, много деревьев! И название у места, где я живу, соответствующее – Лесная Буча. Ну, то есть лесная часть Бучи – небольшого города под Киевом. Кроме киевлян и тех, кто живут в окрестностях столицы, никто этого названия не знает, поэтому непосвященным я говорю, что я из Киева.

О, если бы вы знали, какая это наглая ложь! Особенно, когда едешь утром до метро 20 километров по заснеженной трассе! А когда стоишь полчаса на выезде из Бучи, чтобы только попасть на эту самую трассу? Проклинаешь все на свете – и сосны, и воздух и даже любимый подоконник.

Так и живу: по будням мечтаю жить на уютном Подоле или Золотых Воротах, чтобы добираться всюду за 10 минут, а по выходным кайфую среди сосен и ни на что не жалуюсь. Здесь я прячусь от досадных воспоминаний и досаждающих наставлений мамы. Мне кажется, что

это все остается за дверью моей квартиры – достаточно только повернуть ключ изнутри.

Мне 36. В октябре удалось съездить к родителям. Я хотела поехать на новый год – так хотела, что даже плакала 31-го числа – но как-то не собралась. Ничего, поеду в феврале, заодно отпразднуем дочкин день рождения. Кажется, пандемия позади. В следующем, 22-м, буду ездить часто. Нужно же пользоваться моментом, пока ребенок маленький! А работать буду удаленно.

Я живу в лондонской квартире одной из новостроек, которые выросли как грибы после дождя в одном из спокойных, традиционно британских районов. Вместе с многоэтажками выросли и цены на жилье в округе, сделав таким образом наш переезд в дом, ну или хотя бы домик, практически невозможным. А мне видится сад, ну или хотя бы о садик, где я буду пить розе по вечерам, а в жаркий день – прохладный лимонад. А еще – кабинет, где бы я пряталась вместе со своими мыслями. На двери я повешу табличку: «Не входить, кипит работа».

Когда я не думаю о доме в Лондоне, я вспоминаю изогнутую сосновую ветку за окном с прыгающими белками и крепкий широкий подоконник, где моя романтично-мечтательная натура, кажется, нашла свое место. А еще я вспоминаю Киев. Он является перед моими глазами вспышками слайдов, и всегда неожиданно. Я очень хочу вернуться. Ну ничего, уже скоро.

«Света, как дела? Уезжай! Слышишь? Да хоть к моим родителям!». Смс-ка улетела в очередной раз, как в пустоту. На дворе стояло начало марта 22-го года. До моих родителей ехать километров 200 с лишним, но все лучше, чем оставаться в Буче.

Света – моя подруга. Года четыре назад она искала себе квартиру: на столицу денег не хватало, как и мне в свое время, а значит, надо было

искать что-то в пригороде. Я, не долго думая, пригласила Свету в гости, дабы соблазнить ее Бучей, а себе занять хорошую компанию под боком. Она приехала, помогла мне вымыть окна, встретилась с агентом по недвижимости и вскоре стала счастливой обладательницей квартиры в Буче.

На мои призывы уехать, Света, как всегда, отшучивалась. Однажды она прислала видео, снятое возле супермаркета, в котором мы с ней когда-то пили кофе по субботам. Вокруг валялись куски какого-то металла, кто-то бежал с тележкой, набитой каким-то добром. Света тоже почти бежала, снимая на ходу. В ее голосе слышалась тревога. После этого – почти тишина и редкие смс.

События развивались очень быстро. От своих бывших соседей я узнавала про обстановку в городе. Людей в моем доме оставалось все меньше. Надежды на «обойдется» таяли так же быстро, как мороженое в жаркий день. Каждое утро я обнаруживала, что мой дом еще стоит, а вот от Светы новостей я получала все меньше. Я пыталась ей звонить, но в ответ лишь получала «лучше пиши смс». Так я и делала – передавала новости от ее родни и Бучанских городских властей, но в ответ лишь получала одно слово, порой, в два-три дня – «спасибо» или «хорошо».

Так прошел март, который, кстати, выдался снежным, а значит и холодным, а в начале апреля весь мир узнал название Буча из новостей. Со Светой мы еще долго не могли нормально поговорить – не было электричества и интернета. Позже я узнала, что она с соседями, которые не смогли выехать, провели большинство времени в подвале. Готовили на открытом костре на улице, там же заряжали телефоны от солнечной батареи. Заряда хватало на одну смс, которая уходила только с десятого раза. Жили без воды в кране и тепла. Грелись на улице, так как в квартире леденели пальцы. «А когда закончили стрелять, мы просто одурели! Мы так долго этого ждали!», - это было первое Светино апрельское сообщение.

Середина июля. Давно дали воду, электричество, гуманитарную помощь и даже какие-то деньги, которые уже давно кончились. В город продолжают ездить делегации, как на экскурсию. На рынке продают овощи-фрукты по баснословным ценам. В парке включили фонтан. Люди гуляют и уже даже не боятся заходить в траву. Те, кому повезло больше, поменяли изуродованные входные двери и продолжают жить, а те, чьи дома полностью разрушены – поначалу ночевали в местной школе, потом разъехались. В общем, жизнь продолжается и даже налаживается.

Свету который месяц мучает бессонница – под пение птиц она встречает рассветы. Меня мучают воспоминания о моем доме, куда я не могу вернуться: горчичные стены, портрет любимого архитектора напротив кровати, бокал вина за изящным ажурным столиком в маленькой кухне, прыгающие белки и поющие птицы прямо за окном. Я помню, как долго смотрела на эти стены перед отъездом в Лондон. Я не знаю, смогу ли вернуться. Кажется, что огромными невидимыми ножницами кто-то отрезал кусок моей прошлой жизни и сделал все пространство, где она проходила, недоступным.

Но мне повезло, я в безопасности. Я бережно запечатаваю свои воспоминания, планы, тоску и горе в самый красивый конверт и кладу на самую верхнюю полку, чтобы не попадался на глаза. «В этой квартире невыносимо жарко, да и шумно, – думаю я – надо все же подумать о переезде. Когда-то, в прошлой жизни, я умела наводить уют и красоту... Получится ли снова?».

Natalya Sklyarova. Четыре года назад я перестала любить весну

Свет в начале дня,

В начале жизни, — изволь.

Боль танцует польку

*На дне меня. **

*Здесь и далее в тексте использованы слова песни Павла Кашина «Жизнь».

Четыре года назад я перестала любить весну. Четыре года подряд я жду ее приближения с ужасом и болью.

Четыре года назад мой папа последний раз помахал мне рукой. Он стоял у окна и смотрел, как я сажусь в машину, разворачиваюсь. Я помахала ему в ответ и уехала. А когда вернулась вечером домой, папу без сознания, в кислородной маске и всего окутанного проводами, несли на носилках вниз по лестнице.

С тех пор я не фотографирую цветущие вишни. Мне невыносимы их бело-розовые облака, которые сначала пару недель шелестят на ветру, потом постепенно осыпаются, мягким невесомым ковром застилая землю. Это было мое любимое время года. Я всегда старалась его зафиксировать, поймать на фото. И послать родителям. Непременно на оба телефона: и маме, и папе. Хотя, конечно, они могли посмотреть вместе или переслать друг другу. Но почему-то мне было очень важно передать каждому лично. Я как будто упаковывала мимолетное впечатление в красивую коробочку, перевязывала ленточкой и отправляла.

Отправляя такие подарочки, я всегда представляла, как потом родители ко мне приедут и мы посмотрим все это вместе, уже живьем. Я запоминала и коллекционировала все уголки, куда хотела их свозить. Но времени, когда они приезжали, было всегда недостаточно. Я водила их в пабы и кафе, в парки и усадьбы, возила к зимнему и летнему морю, тащила в английскую глубинку – смотреть на полуразвалившиеся замки и церкви, заставляла ходить по скалам, карабкаться на холмы. Почему-то мне было очень важно показывать все это им, впитывать их изумление и восторг. Как будто это мои личные владения. И как будто это не они мои родители, а я, такая

большая, открываю им - маленьким - этот мир. И сколько бы мы ни ездили, мне всё было мало. Казалось, я всё ещё недостаточно им показала, надо еще, еще.

Так прошло десять, двенадцать лет. Постепенно я стала замечать, что родители уже не могут много ходить. Но вместо сострадания чувствовала разочарование, досаду и в конечном счете раздражение. На них – ради кого это все затевалось. Мои родители старились, а я никак не могла принять этот факт. Мне было страшно. Чтобы не смотреть внутрь себя, в свой страх, я смотрела наружу. По-прежнему тащила их в музеи, на выставки, в парки, ну хотя бы в кафе. Я оказалась совершенно не готова к неизбежному. Да и можно ли подготовиться?

Сколько раз потом я рефлексивно вскидывала руки, чтобы сделать кадр получше, и сколько раз безнадежно их опускала. Сколько раз в наших поездках с мужем и детьми у меня в голове привычно щелкало, что надо сюда привезти родителей. И тут же все обрывалось внутри. Когда теряешь близкого человека, остается дыра – нет, не «дыра в душе», а буквально дыра посередине тела. Раньше там был какой-то орган, а теперь его нет.

Зимой или осенью гораздо легче смириться с потерей. Когда весь мир плачет, вянет и умирает, ты умираешь вместе с ним. Это естественно и понятно. А весной... Как несправедливо, что одним жить, а другим умирать.

Хуже всего в смерти – что это навсегда. Время ничего не лечит, и ты знаешь, что никогда уже не будет так, как прежде.

Как я скучаю, папочка. Как же я скучаю.

В какой-то момент эта боль стала настолько постоянной, что мой организм – видимо, в попытках к ней адаптироваться - выдал новую реакцию. Мы поехали в Go Ape, на лазалки. И вот там, на десятиметровой высоте, крепко держа за руку младшую дочь, которой маршрут оказался явно слишком сложен, помогая ей на бревнах, шатких дощечках и сетках, я вдруг неожиданно почувствовала, что папа стоит внизу, заложив руки за спину, и смотрит на нас. Сейчас мы тоже на него посмотрим, а он нас сфотографирует. Мы помашем ему рукой, спустимся и будем рассказывать, как там, наверху.

Я всегда привычно считала себя христианкой, хотя мне сложно было принять существование рая и ада. Глупость какая-то, ну в самом деле. Скорее уж я верила в вечное перерождение. Но когда мы сидели и ждали заключения врача в госпитале – самые долгие и мучительные часы моей жизни – оказалось, что я и в перерождение не верю. Мама просила молиться, и я честно пыталась читать «Отче наш», а сама никак не могла отделаться от картинки на внутреннем экране своей черепной коробки. Там, в темноте, сидели три старых женщины в черном, с клубками ниток. Они молча тянули нити сморщенными пальцами, медленно и равнодушно. И вот одна из них взяла ножницы, неспеша поднесла к одной из нитей и так же безразлично ее перерезала.

Ожидание было невыносимым. Я терла лоб и кожу головы под волосами, пытаясь избавиться от этого видения. Ходила по маленькой комнате взад-вперед, сжимала пальцы, вдавливала в них ногти, но не чувствовала ничего, кроме темной пропасти, которая вдруг распахнулась внутри и заполнила мой живот. Мне хотелось вернуть ощущение своего тела, но его не было. Только черная пропасть и черные женщины с нитями жизни.

Пришла врач, повела нас в комнату с монитором. Я уже знала, что она сейчас скажет.

Брысь, я ладно сшит,

Я лишь увидел смысл жить,

Быть — тупая прыть

В ногах души.

Я часто теперь чувствую папино присутствие. Мой папа где-то там – вверху, внизу, везде сразу. Мой папа растворился в весеннем воздухе, в лепестках вишен, на которые я теперь избегаю смотреть. Он часто едет со мной в машине. А уходя из дома, я привычно поднимаю взгляд на окно. Там никого нет. Но мысленно я машу папе рукой.

Верующим легче пережить потерю, а я так и не стала верующей. Для того, во что я верю (вернее, что чувствую) нет названия. Ни одна религия мне не подходит. В какой-то момент появилось четкое ощущение, что мы живем в нескольких мирах одновременно. Что существует бесконечное множество пространств и бесчисленное количество нас самих в разных вариантах. Это не смерть и перерождение, это одновременное. И где-то там, в другом мире, в это же самое время по той же дороге, что я иду сейчас, – идем мы вместе, я и мой папа. Мы смотрим на цветущие розовые деревья, и папа останавливается, чтобы их сфотографировать.

Жизнь почти что спета,

Но не допить, не допеть.

Гнать, бежать и видеть,

Дышать, терпеть.

Наталья СКЛЯРОВА

Ольга Крылатова. И не то, чтобы мы родились не там

И не то, чтобы мы родились не там.

И не то, чтобы были с людьми не теми.

Ну и что, что сегодня взбрендило нам

Говорить, жить, дышать не по вашей теме.

И не то, чтобы бедность, и точно не ураган,

И не самая жуткая хворь в бренном теле.

Не война, хmmm... что ж, выстрелы по углам?

Просто кажется, что не этого мы хотели.

И не то, что бы жизнь одна, а не девять,

И казалось бы все умещается в свайпе.

Так чего же на самом деле мы все хотели?

Нет, не то, чтобы больно, а просто хватит.

Да, всегда обстоятельства, но не то, чтобы...

Да, всегда кто-то прав и виновных много.

Господи, ты хоть видишь, что мы творим, Господи.

Сжался, вызови уже нам подмогу.

Автор: Ольга Крылатова

Лиссабон

Dmitry Del. The slight headache

In the text, the wise Eastern medicine practitioner known as Lee finds pleasure in the most ordinary things despite his headache, while the writer spares the reader the detailed description of the operation which remains to be explored by a daring director beyond the fields of this work.

On the deserted outskirts of a small Siberian town, a young medical student woke up with a heart full of joy. The previous night had been filled with countless shots of vodka and wild partying, leaving a sweet taste in his mouth and a joyful buzz in his head.

"She's really something," he grinned, recalling what he had done with his classmate's wife. "She did everything I asked, and even those things that made me feel too shy to implore."

Looking out the window, he saw a world covered with a white blanket sparkling in bright sunlight. The wind whistled through the pipes of the

metallurgical plant like a tender lullaby instead of the squeaks of thousands of tortured souls from hazardous production.

Descending the dirty stairs, the student couldn't help but smile at memories of the past night. The years of studying medicine - the very thing that brought him here - were worth it. In the shabby and cramped bathroom he hummed and whistled a cheerful tune.

The student caught a glimpse of his happy reflection in the cracked mirror and realized he had never felt so alive. The bloody bandages stacked in the sink reminded him of the previous night. He eagerly turned on the rusty faucet and drank the chlorinated water carefully pushing slimy rags aside.

"No worries, soon I'll be living it up in Thailand, you fucking losers!"

He felt an insatiable hunger for pleasures growing inside him, a thirst to explore every inch of the delights he had always been deprived of. And sweet sweet revenge.

Amidst the aroma of burnt milk wafting through the canteen one could sense the disconcerting hints of the pungent stench of fear that seemed to envelop the young man with a rapper-style baseball cap. His companion took a sip of his tea and chuckled.

"Well, what's got you all spooked, my dear Ivan? You're almost done with your medical studies." A student with an eastern appearance yawned.

"They'll send you to a hospital, not to the front line. They've raised everyone's salary. You'll come back and buy a luxury apartment with your combat pay."

The cap flew, knocking out a glass, and a yellow puddle spilled over the floor. "You, Bruce Lee, motherfucker, happy no one fucks with you? Did you see that?" Ivan flashed his phone screen revealing a cracked display.

"Yesterday a missile fucked up the hospital with all the wounded and staff,"

he continued. "Hey, at least I ain't the one getting blown up by missiles, okay?"

"Ha, so now you're all envious of me? If you have money, I can help."

"Awright Bruce Lee, let's just use two fingers, aye?" Ivan spat out, trying to mask his animal fear with bravado.

"We've already discussed this, mate. Article 64 states that only the absence of an entire wrist puts you in category D - completely unfit. The rest are scooped up into the cold trenches."

Buryat Lisiev loved being compared to a kung fu legend, even though it was just a testament to mundane Russian nationalism. Buryats, Chinese, Mongolians - they all look the same to them. Lisiev has never been to Buryatia or China. He was born in Kherson, but he went to study closer to the historical sites. He got used to the teasing and pitying looks from women, but he couldn't get used to the war.

"Makes you wonder, if I weren't disabled, would they have sent me to shoot my own folks? Like that shell that hit their Khrushchyovka, would that have been my doing?"

"I don't give a damn about your damn Ukrainians".

Lisiev momentarily silenced before he suppressed a grimace of disgust and even forced himself to smile.

"Don't worry, mate. A few shots and you won't feel a thing."

Amid the neatly arranged surgical instruments on the slippery plastic tablecloth, a large Solingen scalpel stood out. It was passed down to the future surgeon Lisiev from his father - a well-known doctor in his time. According to his recipe, lidocaine and two bottles of vodka will save anyone from a pain shock.

23 minutes. The neatly separated hand was put into a coolant bag, a stump was formed, the surface of the freshly stitched wound was treated with a hefty dose of antiseptic, and the drunken Ivan was sent by cab to the military enlistment office.

Ivan became a live advertising. With a note in his military ID stating his complete unfitness for service and a fully functioning hand - the wrist was put back in place that same evening and healed perfectly. Lisiev did a great job.

One morning, there was a queue outside the cramped dorm room. Those with \$10K went first. Those who couldn't pay right away rushed to get instant loans with predatory interest rates, ready to give up everything they and their families had - cars, apartments, anything. The surgeries were performed quickly and efficiently. In one day, Lisiev managed to amputate the limbs of 30 people. In the evening they threw a massive party. They made paper airplanes out of summonses and threw them out the windows. The entire dorm was drunk and indulging in other sins.

Dawn was breaking. Stuffing the money under his clothes and grabbing two full bags of amputated limbs, Lisiev hopped into a wheelchair and wheeled himself out. At the door, he collided with some military personnel accompanied by police, but they had no interest in a disabled man. "Maybe by the third or fifth wave of mobilization they'll remember guys like us," Lisiev chuckled bitterly. "But that's not my concern."

The bags flew into the dumpster.